
ПЬЕСЫ

Анна Авота
(г. Борисов, Белоруссия)

ПУГОВКА

Анна Авота родилась в г. Борисове (Беларусь) в 1977 году. Окончила Белорусский Государственный университет Культуры и Искусств, специальность — режиссер. По профессии — автор и режиссер кино и телевидения. С 1995 года является членом Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Неоднократно печаталась в литературно-публицистическом журнале «Западная Двина», участвовала в коллективных сборниках поэзии и других изданиях, как поэт, прозаик и сценарист. Лауреат Международного литературного форума «Славянская лира-2014» в номинации «Городская лирика».

Актерская история-розыгрыш с песнями и танцами по мотивам русских водевилей 19-го века.

1815 год. Дворянская усадьба в западных губерниях России, окраина уездного города Вишнева.

Картина первая

Утро в доме Влюбляевых, пустая гостиная. Спешно входит испуганная Зося с продуктовой корзиной, за нею разъяренная дама (Тереза Лански).

Зося. Мадам, я сейчас позову кого-нибудь на помощь!

Тереза. Голубушка, это я сейчас кого-нибудь позову!

Зося. Яцэк, Яцэк!!!

Тереза. И, правда, Яцэк! Идите сюда, вы нам крайне необходимы!

Яцэка нет, Зося пытается увернуться от Терезы.

Зося. Что вы себе позволяете, а еще порядочная женщина!

Тереза. Милая, это что вы себе позволяете? Уж и не знаю, какую именно порядочность вы мне приписываете, но, будьте уверены, в вашей я уже сомневаюсь!

Зося неловко уворачивается с корзиной, роняя часы, вазу, Тереза подхватывает, ставит на место и неуклонно устремляется за Зосей.

Тереза. Что за комедия! Я вынуждена спасти чужое имущество, когда у меня украли мое собственное! Милочка, вы — воровка, да еще и неуклюжая!

Зося. Мадам!?!

Тереза. А как еще назвать сцену, при которой мы с вами познакомились?

Зося. Помилуй бог! Я с вами незнакома, мадам!

Тереза. И ваше счастье, дорогая. А теперь отдавайте мне мою вещь, и я с радостью избавлю нас обоих от этой процедуры.

Зося (Тереза наступает, Зося пятится). Что вы сказали, мадам?

Тереза. Я сказала, любезная пани, верните то, что мне принадлежит, и я удалюсь. И передайте хозяйке, что она прескверно вас воспитывает.

У Терезы получается ловко отвлечь Зосю и выхватить корзину.

Зося. Яцэк!!!

Тереза. Теперь можете кричать сколько душе угодно. Всего доброго!

Зося. Яцэк! Пани Лизавета! Нас ограбили!

На выходе из гостиной Яцэк преграждает Терезе путь.

Тереза. Премило. Что же у вас здесь весь дом — воры и разбойники? Прекрасный город, ничего не скажешь. Честной девушке и на рынок-то выйти опасно.

Зося. Яцэк, скорей позови пани Лизавету, эта дама шла за мной от самого рынка, ворвалась в дом, а теперь схватила нашу корзину с персиками.

Тереза. Вы все перепутали, голубушка, это моя корзина, а внутри нее не персики, а хлеб и зелень.

Тереза приоткрывает платок, которым прикрыта корзина, там действительно, хлеб и зелень.

Зося. А наши персики где же?

Тереза. А об этом вы себя спросите, дорогуша!

Лизавета. Браво, Зося!

Вошедшая чуть ранее из другой двери Лизавета Ильинишна, делает знак Яцэку, тот пропускает Терезу. Лизавета ставит перед ними такую же корзину, откидывает платок, там — персики.

Зося. Простите, пани Лизавета... простите, недосмотрела... зазевалась...

Лизавета. Фу, какой скандал, Зося, как неприлично. Поди, извинись, недотепа.

Зося. Мадам, простите, бес попутал.

Тереза. Бог с тобой.

Лизавета. А за то, что мне пришлось таскать тяжести, я вычту из твоего жалования.

Тереза. ...Лиза?

Обе дамы смотрят друг на друга. Яцэк делает знаки Зосе, мол, пора уходить. Та пялится на дам во все глаза.

Картина вторая

Лизавета. Пани Тереза Хмелевская!

Тереза. Лански. Тереза Лански, моя дорогая Лизавета.

Лизавета. Зося, носи пирожные, чаю и вишневого ликеру, да, пошевелись!

Зося и Яцэк уходят. Дамы обнимаются.

Лизавета (усаживает Терезу рядом с собой). Бог мой, как хороша! Ягодка! Ну, рассказывай. Проездом в нашей глуши?

Тереза. Да, мы ненадолго в Вишнев...

Лизавета. Мы? Ах, правда — Лански. Ты вышла замуж? Кто же этот счастливчик?

Тереза. Я — замуж? Помилуй бог! Конечно, нет. Это фамилия отца. Псевдоним.

Лизавета. Псевдоним?

Тереза. Да, Лизок, я теперь актриса. *(Собирается уходить).* Пожалуй, мне пора. Прости за неожиданное вторжение, рада была тебя повидать... Прощай!

Лизавета. Э, нет, милая моя подруга! Никуда я тебя не отпущу!

Тереза. Право, я в самом деле не могу остаться. Неловко как-то, да и репетиция в полдень.

Лизавета. Говорю же тебе, стой!

Тереза. Да, и разве твой муж не будет против? Все же актерка в доме...

Лизавета. Как раз наоборот! Если б не его увлечение театром, я бы в жизнь не потащилась в этот треклятый Вишнев, будь он неладен! Присядь со мной, милая. Я так счастлива, видеть тебя в нашем доме.

Зося приносит поднос с едой и напитками. Лизавета отправляет ее, Зосе явно любопытно, что за дама.

Тереза. Вот как? И тебя не пугают сплетники? А репутация?

Лизавета. Бог с ней, она давно испорчена. И к тому же я никому не позволю оскорбить мою любимую Терезу, актриса — это призвание, искусство. В конце концов — честный заработок.

Тереза. Далеко не все так считают.

Лизавета. Мне нет дела до всех. Так, твой отец, наконец, признал тебя?

Тереза. Он да, его семья — нет. Тем более, сейчас, когда я взяла эту фамилию. Тетушка отца начала со мною судебные тяжбы, однако, суд рассмотрел дело в мою пользу, и если я не претендую на их наследство, мне позволено играть под именем Лански даже на родине отца, в Чехии. Что касается Польши, так на родине мамы я по-прежнему мадемуазель Тэзи, там моим зрителям все равно, какая у меня фамилия.

Лизавета. Завидую твоей свободе... Наверное, ты с театром уже объехала полмира?

Тереза. Полмира? Нет, Лизок, но Европу — да.

Лизавета. «Лизок» — все по-прежнему, будто и не было всех этих лет.

Тереза. Ты совсем не изменилась. Все та же, моя Лизок.

Лизавета. Ах, Тэзи... я уже крашу волосы!

Тереза. Басмой? Как матушка София?

Лизавета. Представь себе! А помнишь, как мы в школе ее дурачили? Ох, как она злилась!

Тереза. А помнишь, как приехал новый учитель музыки?

Лизавета. Месье Монтэн!

Тереза. И она заставила нас ночь напролет учить псалмы, а он на первом же занятии давал нам французские куплеты?

Лизавета. Да, она покраснела, как гранат, когда вошла в класс! Как раз в тот момент, когда все девушки распевали строку про пуговку от панталон.

Тереза. А он ей: «Матушка, что же здесь такого, это народный жанр, юные дамы обязаны отличать светскую музыку от духовной, а духовную от фольклора! К тому же у всякой музыки, матушка, один корень — душа человеческая!».

Лизавета. «Душа человеческая, месье Монтэн, это высшее творение Господа! В ней содержится весь умысел Божий! Как же вы смеете опускать бессмертную душу до панталон?»

Тереза. «Вы абсолютно правы, матушка! Именно поэтому, уподобляясь Господу в его устремлениях, наш народ при помощи музыки возносит простые вещи на высоты бессмертия! Что касается упомянутых в данной песенке панталон...»

Лизавета. «Я думаю, вашему французскому народу, месье Монтэн, надо бы поучиться у нашего народа благочестию». Ах, месье Монтэн... Он был первый, с кем я поцеловалась!

Тереза. Бесстыжая! Ты не сказала мне!

Лизавета. Прости! Мне еще не было восемнадцати, я и себе боялась в этом признаться!

Тереза. Впрочем, я знала. И, по-моему, весь наш класс это знал! И даже матушка София догадывалась!

Лизавета. Уверю тебя, она сама была бы не прочь с ним поцеловаться, не будь на ней монашеского облачения, прости господи!

Тереза. Да, и стихи он сочинял премилые.

Лизавета. И тем похож на моего кузена, он гостит у нас теперь. Правда, Поль в отличие от господина Монтэна совсем не любит женщин.

Тереза. Что так?

Лизавета. Считает их всех легкомысленными, капризными, жеманными и испорченными.

Тереза. Стихи его об этом?

Лизавета. Вовсе нет, что странно! Однако, кроме меня он никому их не показывает. На, прочти.

Лизавета *подает Терезе лист со стихами. Та прочитывает. Напевает полкуплета, берет гитару. Выходит красиво.*

Тереза. И вправду, мило. Можно я возьму? Для роли.

Лизавета. Бери, Поль все равно театр не посещает. Он с головой ушел в религию и всерьез размышляет о карьере миссионера где-нибудь в дикой стране.

Тереза. Вот как. А что же твой муж? Лизок, я надеюсь, это не он запер тебя в этом захолустье? Ты что-то говорила про актрис?

Лизавета. Видишь ли, мой муж, Григорий Савельевич Влюбляев, считает себя большим ценителем искусства, он даже пишет поэму. Ну, а если б не его увлечение актрисами, жили бы мы по-прежнему, в Риге.

Тереза. Вот как?

Лизавета. Нет, Гриша меня и вправду любит. И человек неплохой. Но, как видишь, пришлось увезти его подальше от скандала. А ваш театр надолго к нам в Вишнево?

Тереза. Всего на неделю, Лизок. Здешние чиновники не любят театра. Но постой. Ты говоришь, твой Григорий Савельевич тебя любит?

Лизавета. Уверена в этом.

Тереза. Тогда я знаю способ, как излечить его от этой страсти.

Лизавета. Какое-то модное лекарство?

Тереза. Панталоны и пуговка, Лизок. Все, как в той французской песенке.

Лизавета. Не представляю, что ты придумала на этот раз, но мне уже смешно!

Входит Яцэк.

Яцэк. Барыня, господа с рыбалки возвращаются.

Тереза. Что ж, Лизок, теперь мне надо идти.

Лизавета. Останься! Я познакомлю тебя с Полем. А уж муж как будет рад узнать, что у нас в гостях актриса!

Тереза. Лиза, если мы решили разыграть его, они оба не должны видеть меня теперь.

Лизавета. Как я узнаю, что уже пора?

Тереза. Пришлю к тебе служанку.

Обнимаются, Тереза уходит. Лизавета тоже уходит.

Картина третья

Тереза возвращается за корзиной. Входит Поль.

Поль. Мадам?

Тереза. Слушаю вас.

Поль. Это я хотел бы услышать, вы наша гостья или...

Тереза. Или.

Поль. Какая наглость. Что ж, для начала — здравствуйте!

Тереза. Вы первым не поздоровались.

Поль. Как видите, я это только что исправил.

Тереза. Похвально.

Поль. Однако, вы не спешите...

Тереза. Вы ошибаетесь. Я очень спешу! Позвольте удалиться.

Поль. Я вас не задерживаю, мадам.

Тереза. Как раз, наоборот.

Поль. Ах, вот как? И чем же, могу полюбопытствовать?

Тереза. Пустыми разговорами, сударь и напыщенностью.

Поль. Премило! Меня же и наградили грубостью. Вы, не иначе, торговка?

Тереза. Как вам будет угодно.

Поль. И все же, неприятно встретить в собственной гостиной непрошеную гостью, которая вдобавок ведет себя чрезвычайно нагло.

Тереза. Именно, сударь, чрезвычайная наглость — называть чужую гостиную своей!

Поль. Что вы сказали?

Тереза. Вы верно, глуховаты?

Поль. И чем же вы здесь торговали?

Тереза. Изысканными манерами, сударь! Впрочем, для Вас их не осталось. Да, Вам и не по размеру. Прощайте!

Тереза уходит.

Поль. Душевная беседа.

Картина четвертая

Входит нарядный Григорий с удочкой.

Григорий. Поликарп, ты с кем здесь?

Поль. Я бы сам хотел это знать, впрочем, не важно.

Григорий. Говорю, тебе надо развеяться, вишь, уже сам с собою разговариваешь. Душечка наша, Лизок еще не выходила?

Поль. Нет.

Григорий (шепотом): Не могу утерпеть! Театр в Вишневе! В кои-то веки! Ты видел, город будто зацвел весь, актеры кругом, как мотыльки... А эта козочка, с которой мы мило поболтали у ратуши, а? Огонь!

Поль. Ничего особенного. Малообразованная девушка, да и не слишком опрятная.

Григорий. Злой ты, Поликарп. Потому тебя бабы и не любят. У них, между прочим, сегодня Мольера дают. А нам туда заказано появляться. Эх, заскучал я по светской жизни, заскучал...

Входит Лизавета.

Лизавета. О чем это вы заскучали, дорогой?

Григорий. Говорю Полю, вот ведь, семейная жизнь до чего довела, жену любимую не видевши с утра, уже соскучился! (*хочет поцеловать, тут же отходит*) Пойду, переоденусь, рыбой пахну весь.

Лизавета. Ну, и как улов?

Григорий. А, что-то сегодня не клюет. Все мимо плавает, зараза. (*Собирается уйти*).

Лизавета. Рыба французская?

Григорий. Отчего же вы так решили, свет мой?

Лизавета. Аромат от нее сегодня особенный.

Григорий. Ах, ты шутница! За что я тебя и люблю! (*тайком обнюхивает свою сорочку*).

Лизавета. Гриша, а я подумала, хорош ли твой фрак, тот итальянский?

Григорий. Если моль не сожрала, весьма хорош.

Лизавета. Вели Зосе его почистить.

Поль. Что-то новенькое.

Григорий. К нам гости, душа моя? Опять твоя тетушка, эта занудная старая дева, вечно всем недовольная, притащится и будет о своем насморке причитать, ох, нет, я не выдержу!

Лизавета. Григорий, она не только моя родственница, ко всему хочу напомнить, ваше имя есть в ее завещании.

Григорий. В таком случае, я с радостью буду сам наносить ей визиты. На кладбище.

Поль. Как вы, однако, добры! Полагаю, именно за это, Григорий, вас и обожают женщины. Сестра, прости, не мог сдержаться.

Лизавета. Ничего, Поль. Как видишь, любовь женщин к Григорию не всегда бывает взаимна.

Григорий. Она была здесь, месяца не прошло, и снова? Прекрасная новость.

Лизавета. Я думаю, все же новость вас обрадует.

Григорий. Кузен ваш здесь, все в сборе. Кто же к нам едет?

Лизавета. Едем мы. Я приглашаю вас нынче вечером в театр.

Григорий. Помилуй бог! Ушам не верю.

Лизавета. В Вишневе театр на гастролях, не слыхали разве?

Григорий. Что вы, душа моя, я, чтоб вас не огорчать, подобными известиями не интересуюсь.

Поль. Что так?

Григорий. Больно надо! Скажи мне кто-нибудь про театр, тут же уши закрою и переведу разговор на иную тему!

Лизавета. Приятное послушание. Именно поэтому вы и достойны награды.

Григорий. Любовь моя, после той истории, что чуть не потопила наш с вами семейный корабль, я раб ваш навеки и первый противник любых светских развлечений!

Поль. Не иначе, декламируете отрывок из вашей новой поэмы?

Григорий. Увы, мой друг, я пока не готов включать автобиографические сцены в мою поэму, хотя это и придало бы ей пикантности.

Лизавета. Поль, ты составишь нам компанию?

Поль. Спасибо, нет. Ты же знаешь, сестра, я не люблю размалеванных весталок сцены и более того — светских львиц из портера. Сколько не смотри, так и не поймешь — кто кого развлекает.

Григорий. Ну, ты не прав, не прав, Поликарп... Дама из общества ни за что не сравнится с актеркой! Впрочем, мне это давно сделалось безразлично.

Лизавета. Что ж, ежели брат и муж решили вести жизнь отшельников, мне придется отправиться в эту цитадель порока и фальши одной. Жаль, дорогой супруг, я так хотела устроить вам подарок.

Григорий. Лизок, что за шутки ты со мной шутишь? Какой подарок?

Лизавета. Я не шучу, дорогой. Или вам неприятно мое приглашение?

Григорий. Что ты, Лизок! Но я, право, удивлен.

Лизавета. Вы так мило себя ведете, что я подумала, не обрадовать ли мне вас какой приятной безделицей. Тем более, Мольер! Так мы едем?

Григорий. Лизок, ради тебя я отрекся от театра, ради тебя к нему вернусь.

Лизавета. Ну, так собирайтесь!

Лизавета уходит.

Григорий. Поликарп, ты видишь? Что с ней случилось? Не ожидал.

Поль. Придумала развлечь супруга, что странного?

Григорий. Вот если бы она одного меня туда отослала...

Поль. Это было бы слишком.

Григорий. Впрочем, ты прав. Зося, поди-ка сюда!

Картина пятая

Зося и Яцк помогают Григорию одеваться. Он примеряет сорочки и фраки, шейные платки, кюлоты, гольфы. Ходит по гостиной в панталонах, советуется с Полем.

Григорий. Вот, черт подери. Мал! Фрак мал! Кто ж так шьет? Безрукие какие-то люди...

Поль. Мне кажется, видел вас в нем два сезона тому, сидел прекрасно.

Григорий. Если постараться, возможно застегнуть. Или нет, пожалуй. *(С трудом выдерживает в застегнутом, расстегивает снова, облегченно выдыхает).* Определенно — нет. Эта булавка все портит!

Поль. Чем же булавка вам теперь не нравится?

Григорий. Слишком проста!

Поль. Прикальвайте эту.

Григорий. А к этой — фрак слишком прост.

Поль. Вам не угодишь!

Григорий. Сижу в какой-то дыре, как проклятый, ей-богу, в театр не в чем выйти. Поликарп, сам подумай, куда это годится! Там Мольер — а я одет некстати. Совсем некстати.

Поль. Не думаю, что этот ваш костюм оскорбит господина Мольера. Скорей, наоборот.

Григорий. Ты, как всегда, прав, голубчик. Кому я наряжаюсь, подумаешь заезжий театрик! Нет, это невозможно. Фрак сел что ли? Отвратительного качества ткани! Ах, вот, еще смотри... *(Пытается натянуть на живот и застегнуть, немного не хватает)*. Дрянной портняжка! Украл, как пить дать, пару метров от моего костюма.

Поль. Быть не может.

Григорий. Что ж это, по-твоему, я увеличился что ли? Ну, вот. С этим платком довольно сносно. Что там с нижней частью гардероба?

Выбирает штаны. Внезапно от панталон отрывается пуговица.

Григорий. Вот, черт! Зося! *(Зося вбегает с корзинкой яблок, панталоны падают, Зося вскрикивает, корзинка падает, яблоки рассыпаются)* А, нет, поди прочь! Яцк!

Поль (собрав яблоки, с корзиной): Я позову Лизавету.

Григорий ползает, придерживая панталоны, пытается найти закатившуюся пуговицу, входят Лизавета и Поль.

Лизавета. Что стряслось, дорогой?

Григорий. Любовь моя, я в раздражении. У меня украли полкостюма, ей-богу, не понимаю, как это могло произойти! И вот, погляди! Бракованные панталоны!

Лизавета. Чудесные панталоны, и сидят отлично. Вот только, куда подевалась пуговка?

Григорий. В том и дело. Что ж мне их теперь завязками к ушам пристегнуть?

Лизавета (достает другую пуговицу). Бог с ней. Посмотри, дорогой, как будто эта подходит? На ней петушок нарисован.

Григорий. Да, хоть олень.

Лизавета. Сейчас пришью.

Пришивает пуговицу.

Картина шестая

Входит Зося с запиской.

Зося. Мадам, это для вас.

Лизавета читает. Меняется в лице.

Григорий. Что стряслось, душечка?

Лизавета. Печальное известие.

Григорий. Я так и знал!

Поль. Скончался кто-то?

Лизавета. Пока нет, но возможно.

Григорий. Не тетушка твоя, надеюсь?

Лизавета. С чего такая забота о тетушке вдруг?

Григорий. Ее кончина лишила бы меня похода в театр. Так, что там?

Лизавета. К счастью, не тетушка, но театр отменяется. Моя подруга Зизи заболела и лежит в горячке. Я должна ехать, наверное, пробуду у нее несколько дней.

Григорий. Ну, вот! А я вам что говорил!

Поль. Отложить до завтра невозможно?

Лизавета. Конечно, нет! Брат, подумай сам! Дорогая Зизи при смерти, а я пойду веселиться. Нет, нет. Я сейчас же собираюсь и еду к ней.

Григорий. А я? Поеду с тобой скорбеть над телом Зизи? Или останюсь дома, здесь скорбеть? Дорогая, мне оба варианта решительно не подходят. Я в театр сегодня приглашен! Напоминаю — тобою.

Лизавета. Ах, да... Конечно. Поль?

Поль. Да, дорогая.

Лизавета. Ты видишь, как все получилось. Прошу тебя, поезжай с Гришей в театр.

Поль. Лиза, нельзя ли с ним отправить кого-то другого?

Лизавета. Боюсь, невозможно. Я не могу лишиться его этого подарка. И одного отпустить тоже не могу.

Поль. Что ты задумала?

Лизавета. Всего лишь небольшое развлечение. Ты же видишь, наше супружеское счастье покрывается тinou здесь, в этой провинции.

Поль. И ты решила очистить ее при помощи того самого средства, из-за которого упрятила его сюда?

Лизавета. Говорят, клин можно выбить таким же клином. Ну, так как ты решишь, милый брат?

Поль. Придется ехать. Только ради тебя, сестра.

Григорий. Что вы там шепчетесь? Пусть будут прокляты все подруги и тетушки! А также кузены, прости Поликарп, но ты мог бы при мне с моею женою законною говорить вслух.

Лизавета. Вопрос решен. Вы едете в театр вместе с Полем. Ты рад, дорогой?

Григорий. С Полем? Так даже лучше.

Лизавета. Не поняла?

Григорий. Любовь моя, я говорю, что так даже лучше, тебе не придется мучить себя бездарной игрой провинциальных актерок.

Лизавета. Что же, решено?

Григорий. Конечно, поезжай к Зизи, ты ей нужна. А мы с Полем наведаемся в театр, и к ужину уже будем дома.

Лизавета. Поужинайте в городе. Я отпущу прислугу.

Поль. Возвращайся скорее.

Лизавета. Боюсь, не раньше четверга.

Уходит.

Григорий. Поликарп, ей-богу, наш день. Если господь существует, он только что поцеловал меня в темечко.

Поль. Не богохульствуйте, брат.

Картина седьмая

Через несколько часов.

Из театра возвращается подпитый Григорий с трезвым Полем, тут же начинает суетиться.

Григорий. Поликарп, с минуты на минуту она будет здесь! Шампанского, винограду, бисквитов. Ах, зачем Лизавета отпустила прислугу...

Поль. А вы хотели бы назначить свидание актрисе в доме собственной жены и вдобавок, чтобы горничная жены прислуживала вам с вашей мадемуазель за ужином?

Григорий. Голубчик, твое сегодняшнее остроумие утомительнее воскресной проповеди! Послал же бог родственничка!

Поль. Я надеюсь, мое сегодняшнее остроумие, дорогой Григорий Савельевич, убережет вас от неблагоприятных поступков.

Григорий. Ну, ты уж совсем палача из меня делаешь! Занесшего меч над супружеским счастьем твоей ненаглядной сестрицы!

Поль. Хочу напомнить, по вашей неосмотрительности вы и оказались в Вишневе.

Григорий. Слава богу, дальше уж сослать меня некуда. Ну, полно, друг мой, полно читать мне морали. То, что ты называешь свиданием в доме моей супруги — всего лишь невинное развлечение, призванное разогнать провинциальную тоску.

Поль. Уверен, Лизавета Ильинишна сама с радостью составила бы нам компанию, не заболел бы ее дорогая Зизи.

Григорий. Моя жена? Компания? Голубчик, да ты плохо ее знаешь!

Поль. Конечно, откуда мне знать собственную кузину!

Григорий. Я говорю тебе, она слишком хорошо воспитана, чтобы поддержать веселую компанию.

Поль. Я и сам не большой поклонник балаганного веселья.

Григорий. Ну, вот опять! Зануды вы оба. О! Она идет!

Тереза в надушенной лавандой цветастой накидке в окружении актеров и актрис, с гитарой входит в гостиную. Все располагаются на диванах и креслах. Она заканчивает куплет. Поль держится отстраненно, наблюдая со стороны. Григорий воодушевлен, аплодирует.

Григорий. Bravo, bravo! Прелестная песенка! Кто автор?

Тереза. Один нежный юноша, который страстно умолял меня исполнить этот романс, но ни в коем случае не произносить его имени...

Григорий. Вероятно, ваш поклонник, моя дорогая Тереза? Шампанского? (*Открывает бутылку, разливает всем*).

Поль. Моя дорогая. Неплохое начало невинного развлечения. Послать бы за сестрой, да, уж лучше пусть она ничего об этом не узнает.

Григорий. Ну, не теми, как зовут несчастного мальчишку, которому ты разбила сердце?

Тереза. Ах, любезный Григорий Савельич, теперь это уже не имеет значения! Тем паче, я и сама не помню его имени.

Поль. И, правда, мадам, зачем хорошенькой женской головке вмещать такое количество имен своих поклонников. Куда выгоднее оставить немного места для парочки шансоньеток.

Тереза и Поль встречаются взглядами.

Григорий. Полно вам, Поликарп! Если вы не прекратите обижать нашу гостью, я буду вынужден фехтовать с вами на рассвете.

Тереза. Поликарп? Уж ваше имя я непременно запомню!

Поль. Не утруждайте себя, мадам, я не имею желаний пополнить армию ваших поклонников.

Григорий. Мадемуазель, он уже у ваших ног, но не смеет себе в этом признаться! Дамы и господа, давайте поднимем бокалы и выпьем за знакомство! Григорий Влюбляев счастлив принимать у себя людей искусства! За вас, друзья!

Все чокаются, выпивают. Поль стоит в стороне, делает вид, что рассматривает книгу. Григорий разливает еще, гости устраиваются, исполняют куплеты. Тереза чокается со всеми, оказывается рядом с Полем.

Тереза. Считаете, это ниже достоинства для вас поднять бокал за знакомство с актрисой?

Поль. Первое — я не пью вина. Второе — мы уже ранее познакомились.

Тереза. Ах, правда? Когда же, где?

Поль. Сегодня утром, здесь же, в этом доме.

Тереза. Вы, верно, спутали меня с кем-то.

Поль. Вас сложно спутать с кем-то.

Тереза. И все же вы ошиблись.

Поль. Вы знаете, что ваш сегодняшний поклонник женат?

Тереза. А вам-то что за дело, он шепнул мне, что жена его старая, скучная брюзга, что он почти развелся с нею и, если б я согласилась оставить театр, бросил бы все к моим ногам и женился на мне.

Поль. Григорий? Хочет жениться на вас?

Тереза. Ах, да! Я же актриса, низший сорт. Падшая женщина. Содержанка! Как на мне можно жениться! Прошу прощения, сударь, что нахожусь так близко и имею наглость дышать одним воздухом с вами.

Поль. Вы неправильно поняли меня, я вовсе не хотел...

Григорий замечает, что Тереза беседует с Полем, подходит к ним.

Григорий. Поликарп никогда не отличался умением поддерживать непринужденную беседу с дамами.

Тереза. Что ж, ваш родственник всегда такой бука?

Григорий. Полагаю, до следующей любовной страсти.

Тереза. И много у него их было?

Поль. Достаточно одной, чтобы понять, что истинная любовь и гармония возможна только в искреннем познании Бога.

Тереза. Интересно, что по этому поводу думает Бог.

Григорий. Идемте, дорогая, мы рискуем оказаться заложниками проповеднической страсти Поля, а я жажду снова услышать ваше райское пение.

Тереза. Прекрасно, у меня как раз есть новая песенка. Ах, у вас пуст бокал! Немедля исправим это!

Тереза наливает Григорию, тайком подсыпает ему порошок в бокал. Григорий пьет. Поль подходит к нему. Тереза объясняет актеру, как играть.

Поль. Григорий, вы пьяны.

Григорий. Чудесно, голубчик! Именно этого я и желал сегодня!

Поль. Не думаю, что ваши желания совпадают с желаниями вашей супруги.

Григорий. А, полно вам о ней страдать! Лизок сейчас жалеет свою Зизи, а меня кто пожалеет? Тем более, жена сама променяла меня на подружку. Могу я хоть раз в жизни побыть холостяком?

Поль. Говорю вам, вы пьяны. Вам надо лечь. Пора прощаться с гостями.

Григорий. Теперь отослать ее обратно? Голубчик, что ты удумал? Раз в жизни случается такое приключение, а ты гонишь меня в спальню.

Григорий уходит к Терезе.

Григорий. Впрочем... Я окажусь там скоро, и не один.

Тереза исполняет романс на стихи Поля. Поль с трудом скрывает ярость. Все аплодируют.

Григорий. Скажу вам, мадемуазель Тереза поет прекрасней моего соловья!

Тереза. Так, вот в чем дело! Вы пригласили нас сюда, дабы устроить соревнование между ним и мною?

Григорий. Вы, несомненно, первая!

Тереза. Как я могу быть уверена в этом? Полагаю, нам нужно прослушать и его.

Григорий. Какая выдумка! Устроить испытание невинной птичке! Bravo, Тереза! Идемте же все в сад!

Все уходит в сад.

Картина восьмая

Тереза возвращается. В гостиной остался Поль.

Поль. А как же ваш птичий экзамен?

Тереза. После пения так сушит в горле. Вы не нальете мне лимонаду?

Поль. Нет.

Тереза. Хотя бы подайте графин.

Поль. Я не нанимался вам прислугой.

Тереза. Вы грубиян.

Поль. А вы воровка.

Тереза. Что же, по-вашему, я украла?

Поль. Где вы взяли стихи, которые только что исполнили?

Тереза. Ах, эти глупые куплеты? Вы называете их стихами? Право, не помню, какой-то поклонник прислал.

Поль. Глупые куплеты... Что ж, бог с вами. Но даже, если они и плохи, это вовсе не означает, что вы можете их запросто присвоить.

Тереза. То есть, если бы они оказались в альбоме какой-нибудь восторженной баронессы, ей было бы позволено произнести их вслух? А исполненные устами актрисы, они тут же оказываются осквернены?

Тереза слегка нервничает, поглядывает в двери, ведущие в сад.

Поль. Я уважаю любую профессию. Мне приходится встречать великосветских дам, высокомерных и фальшивых, в них гораздо больше лжи и пошлости, чем в девушке, которая выходит каждый вечер на сцену и говорит языком Мольера и Шекспира.

Тереза. ...для развлечения господ и тех же светских дам, вы забыли упомянуть.

Поль. Театр это в первую очередь искусство.

Тереза. Искусство для драматурга, но не для женщины, которая марает свою репутацию, решаясь зарабатывать этим себе на жизнь.

Поль. Женщина вольна заниматься, чем угодно ее душе. Театр — не худшее занятие.

Тереза. Но вы считаете недостойным прикасаться его. Даже из вашей ложи вы бросали взгляды, полные презрения.

Поль. Вы ошибаетесь, мадам, я близорук, и поэтому неловко себя чувствую в больших пространствах.

Тереза. Вашей неловкости мне хватило и в этой маленькой гостиной, сударь. Даже господин Влюбляев в своей страсти к актрисам менее противен мне.

Поль. Чем кто?

Тереза. Чем вы в своем снобизме.

Поль. В таком случае, вы шовинистка.

Тереза. А вы хам.

Поль. А вы воровка и лгунья.

Тереза. А вы трусливый мальчишка и эгоист! И ни одна женщина с настоящего горячим сердцем никогда не полюбит вас!

Поль. Не очень-то и хотелось! Можно подумать, есть на свете женщины, способные быть искренними в чувствах.

Тереза. Разумеется, порядочными бывают только мужчины! И вы один из них.

Шум в саду усиливается, приближается. Григорий декламирует отрывки своей поэмы. Тереза прислушивается, морщится. Там раздается хохот, аплодисменты.

Поль. Вы вольны, мадам, разыгрывать из себя актрису, торговку, певицу — кого пожелаете.

Тереза. Благодарю, вы так любезны.

Поль. Но я не намерен более играть в ваши игры и отправляюсь спать. Ибо, нервы мои на пределе, и, я боюсь, наши отношения с родственником вконец будут испорчены.

Тереза. Спокойной ночи.

Поль. Уповаю на ваше благоразумие.

Поль уходит. Тереза корчит ему вслед гримасу.

Картина девятая

Входит Григорий с компанией.

Григорий. Душа моя, я вам еще не читал свое произведение! Слишком скромн, увы. Но теперь, когда ваши друзья выразили свой восторг, я, пожалуй, осмелюсь прочесть и вам.

Тереза. Вы уверены?

Григорий. Нет, но раз уж мой соловей осмелился соперничать с вами, и я не постыжусь явить вам мою поэму.

Григорий, покачивается, ему помогают сесть.

Тереза. Друг мой, вы устали.

Григорий. Что ты, птичка моя, я готов продолжать!

Тереза. Я думаю, вам пора продолжить в спальне.

Григорий. Ах, шалунья! Вот к чему клонишь...

Тереза. Позвольте, провожу вас до кровати. Друзья мои, пора, пожалуй! Я скоро к вам вернусь.

Григорий. Не так скоро, ласточка моя, как им бы этого хотелось! Благодарю за встречу, господа. Ох, как ты пахнешь... Лавандовые поля, я в раю...

Гости раскланиваются, уходят. Григорий, опираясь на руку Терезы, идет в спальню, громко и безобразно поет. Через некоторое время Тереза возвращается в гостиную.

Григорий. Голубушка, куда же ты!

Тереза. Я принесу шампанского!

В гостиную входит Лизавета.

Тереза. Наконец-то, ты!

Лизавета. Как он?

Тереза. Все идет, как намечено. Изрядно пьян, да и порошок подействовал.

Лизавета. А вдруг он меня признает?

Тереза. Дорогая, это невозможно!

Лизавета. Как Поль?

Тереза. Обижен.

Лизавета. Ничего, я скоро вас помирю.

Тереза. Мы с трупой уезжаем в Прагу на будущей неделе.

Лизавета. Прекрасно, еще есть время. Дай поцелую тебя, моя дорогая подруга, и пойду к Григорию. Играть тебя.

Тереза. Возьми мой плащ (*отдает Лизавете свою накидку*). Он пахнет мной.

Лизавета. До скорой встречи!

Тереза. Люблю тебя!

Лизавета. И я тебя, моя прекрасная подруга!

Григорий. Душа моя, я весь горю!!! Ты где? Иди скорей сюда!

Лизавета уходит в спальню.

Картина десятая

В гостиную снова входят актеры.

Актер. Тереза, мы за тобой! Если ты, конечно, не решила остаться у Влюбляева.

Тереза. Куда же я без вас!

Из спальни доносятся характерные возгласы.

Тереза забирает забытую гитару. Наигрывают веселую песенку, танцуют, уходят.

Картина одиннадцатая

Из спальни выходит Лизавета, у нее в руках панталоны. Она отрезает пуговку, панталоны оставляет, уходит.

Картина двенадцатая

По прошествии некоторого времени.

Из спальни появляется Григорий. Ему нехорошо.

Входит Поль.

Поль. Доброе утро.

Григорий. Ох, брат... Молчи. Плесни-ка мне лучше лимонаду.

Поль. Я вижу, вечер удался. (*Наливает лимонад Григорию*).

Григорий. Несомненно! А что за ночь была!

Поль. Ночь как ночь. Что вы имеете ввиду?

Григорий. Все. Тсс. Я знаю, что ты сейчас скажешь.

Поль. Я сам еще не решил, что буду говорить, откуда вам это знать?

Григорий. Согласен, я свинья. Но, Поль, будь другом, не выдавай меня. Я сегодня ночью изменил твоей сестре. Каюсь.

Поль. Раскаяние смягчает вину, однако...

Григорий. Что только я ей плел! Она свела меня с ума... Ты представь, я обещал на ней жениться, если она оставит театр!

Поль. И что она?

Григорий. Хохотала! Молись, чтобы подмости и парики оказались ей милей замужества! Иначе мне не выкрутиться.

Поль. Грешно наслаждаться победой над женщиной. Тем более, когда она достигнута при помощи обмана. Но мне показалось, слова раскаяния уже слетели с ваших уст.

Григорий. Сразу же слетели! Я в полном раскаянии, признаюсь. Но если бы у меня был шанс повторить, я бы не смог отказаться!

Поль. Бедная моя сестра. Пока она утешает умирающую подругу, ее супруг утешается с актрисами...

Григорий. Лизок сама меня бросила и уехала!

Поль. Если бы я знал, чем все кончится, ни за что не поехал бы с вами.

Григорий. Молчи, ханжа. Твой скорбный вид будит во мне совесть.

Поль. Или предчувствие наказания.

Григорий. Открою тебе секрет. Они еще неделю пробудут в Вишневе, боюсь, я пошлю за ней сегодня вечером, если она сама не изволит дать знать о себе... Что за женщина! Дьявол во плоти!

Поль. Вы изменили Лизавете с самим Люцифером?

Григорий. Друг мой, твой сарказм не к месту, уверяю тебя. Если б ты знал! Она — исчадь ада и ангел в одной личине.

Поль. Голос у нее ангельский, это верно. Зато характер...

Григорий. Да, что там голос! Видал бы ты, какие арии она исполняет в спальне! Сразу видать — актриса! Ни с чем не сравнить!

Поль. Боюсь, я не готов поддерживать подобную беседу.

Григорий. Если б у тебя хоть раз случился роман с актрисой, ты бы понял, о чем я тебе толкую!

Поль. Благодарю, как-нибудь обойдусь.

Григорий. Никакого сравнения с нашими дамами! Горазды блистать лишь в салонах, корчить из себя роковых красоток. Самая знатная аристократка не сравнится с артисткой! Пусть она хоть сто раз умница, с титулами и наследством! Или жеманно охает в постели, или строит из себя недотрогу, холодна, как рыба, тьфу.

Поль. Мне кажется, вы только что оскорбили честь вашей собственной супруги.

Григорий. Лизок — другое дело. Хотя до Терезы ей далеко. Ну, вот будь она чуточку распушеннее, моя Лизавета Ильинишна...

Входит Лизавета.

Лизавета. Вы обо мне болтаете тут? Возлюбленный супруг ни на мгновение не забывает о жене, как это мило.

Григорий. Лизок? Ты как здесь?
Поль. Приветствую тебя, сестра.
Лизавета. А что вы так поздно завтракаете?

Григорий суетится, приглаживает диванные подушки, прячет панталоны.

Григорий. Да, мы вчера с твоим кузеном засиделись, все болтали...

Лизавета. Как театр?

Григорий. А, знаешь, так себе. Я, может быть, охладел уже как-то. Наши семейные вечера мне сделались более по вкусу.

Лизавета. Неужто, правда?

Григорий. Да, душечка моя, Лизок, да! А что ты так скоро? Как здоровье нашей дорогой Зизи?

Лизавета. Зизи... Ах, да. Зизи уже здорова.

Поль. Вчера, кажется, умирала от горячки.

Григорий. Поль, ты плохо знаешь женщин.

Лизавета. Тем лучше для него. Что до Зизи, так она сильно огорчилась тому, что новый любовник бросил ее ради певицы, француженки. Сначала она проплакала сутки, затем ее свалила мигрень, а после началась горячка. Но вчера к ней вернулся ее прежний любовник, и Зизи снова в добром здравии и прекрасном настроении.

Поль. А как же муж?

Лизавета. Поль, в таких сложных случаях мужчина не способен утешить женское горе, если он всего лишь муж.

Григорий. Позволь, как это не способен?

Лизавета. Любящих и верных, вроде тебя, это не касается.

Входит Яцэк.

Яцэк. Сударь, к вам дама. Впускать?

Григорий. Нет!!!

Лизавета. С какой это радости? Пусть войдет. Как зовут даму?

Яцэк. Тереза... Простите, барыня, я не запомнил, не по-нашему фамилия.

Лизавета. Даже забавно, если иностранка, пусть входит. У нас гостеприимный дом.

Григорий. Зачем нам гости, душечка? В такую рань... Да, и ты с дороги, устала верно... *(Полю)* Я пропал... это она!

Лизавета. Я прекрасно себя чувствую. Яцэк, проси даму.

Григорий. Нет!

Лизавета. Да, что случилось?

Григорий. Я соскучился, хочу побыть с тобою.

Лизавета. Подумать только! Одна ночь врозь что делает. Буду почаще уезжать. Яцэк, пусть дама входит. *(Яцэк уходит).*

Григорий. *(Полю)* О, боже, мне конец... Поль, сделай что-нибудь... *(тот в недоумении разводит руки).*

Григорий пытается отойти подальше, спрятаться за спину Поля.

Картина тринадцатая

Входит Тереза и прямоком направляется в объятия Григорию.

Тереза. Любимый мой! Как долго тянулись эти несколько часов разлуки с тобою!

Лизавета. Вот это сюрприз.

Тереза. Любимый, я согласна!

Григорий пытается увернуться из цепких рук Терезы, делает вид, что он ничего не понимает.

Поль. Я чувствую подвох, но не могу понять, в чем дело.

Тереза. Любовь моя! Вот мои вещи, я бросила театр, сделала все, как ты и просил, и готова обвенчаться с тобою хоть завтра.

Лизавета. Отлично, браво!

Тереза. Кто эта женщина? Твоя сестра? Прекрасно, я и с сестрою твоею готова породниться. Лишь бы ты был счастлив, любимый мой.

Лизавета. Григорий, что произошло вчера? Объяснитесь.

Григорий. Я... Мы с Поликарпом были в театре.

Лизавета. А потом?

Григорий. Немного выпили, песни пели, танцевали немного... Вот, Поликарп подтвердит.

Тереза. Ах, что он может подтвердить, он же сразу спать ушел.

Григорий. Но...

Тереза. Любимый, прекрасная новость! Скоро у нас будет ребенок. Ты рад?

Лизавета. А это как еще возможно? Гриша?

Григорий. Я, право, не имею понятия...

Тереза. Любовь моя, к чему стеснения, все свои!

Лизавета. Связь надо еще доказать.

Тереза. А здесь и доказывать нечего. Вот пуговка. От панталон моего любимого. Оторвалась в пылу страсти, а я взяла ее себе на память. Такая милая, петушок нарисован.

Григорий. На моей был олень.

Лизавета. На твоей был петух. Я сама пришивала. Поль свидетель.

Тереза демонстрирует пуговку.

Григорий пытается что-то произнести, но выходит одно лишь невнятное мычание. Тогда он падает в обморок на диван и продолжает подсматривать за происходящим.

Картина четырнадцатая

Тереза. Это он от счастья. *(Обмахивают его салфетками).*

Лизавета. И все же, мне кто-то объяснит, что происходит?

Тереза. Ах, что здесь объяснять, сударыня? Все случилось внезапно. Мы встретились вчера в театре...

Лизавета. Это я слышала. Вы тоже посещаете театр?

Тереза. Да, нет же. Я там работаю. Я актриса.

Лизавета. Ах, ну понятно.

Тереза. Потом был вечер, полный волшебных открытий, потом была ночь... поверьте, незабываемая, как цунами!

Тереза набирает в рот лимонаду и брызгает в лицо Григорию. Тот вскакивает, но видя двух женщин над собой, снова падает без чувств.

Поль. Она или, вправду, сумасшедшая, или снова играет роль...

Тереза. Потом Григорий Савельич предложил мне руку и сердце, в обмен на мой отказ от театра. Я думала до утра и поняла — я никогда бы не бросила сцену, но эта ночь... Она была слишком убедительна. Если вы не верите, могу уточнить, что меня особенно впечатлило. (*Григорий снова мычит*).

Лизавета. Увольте, я не желаю знать подробности.

Тереза. Прекрасно! Григорий, я обниму сестру! Иди ко мне, родная! Поликарп, иди и ты сюда, обнимемся, брат!

Лизавета. Поль, ты все знал?

Тереза. Конечно, они были вместе в театре. И потом тоже... но, нет! Совсем «потом» Поль ушел спать в садовый домик, чтобы не слышать шума.

Лизавета. Что, все было так невыносимо громко?

Тереза. Да.

Лизавета. Предатель, и ты молчал все это время?

Поль. Сестра, прости. Я думал, легкая интрижка скоро забудется, а если ты все узнаешь, то брак ваш сию минуту рухнет.

Лизавета. Легкая интрижка? Они собрались пожениться!

Поль. Я не думал, что так далеко пойдет.

Лизавета. Тем лучше. Я согласна на развод.

Тереза. Так ты — жена?

Лизавета. Не помню случая, когда мы перешли на «ты»!

Тереза. Так, давай перейдем сейчас. Здесь еще осталось шампанское.

Тереза наливает в два бокала шампанское, они выпивают на брудершафт, целуются.

Тереза. Зачем ругаться, мы можем все решить разумно, мы ведь женщины.

Лизавета. Ты права, милочка. Ссориться нам ни к чему. Разве мы дикари какие-то?

Поль. Кто из нас сумасшедший? Лиза, опомнись!

Лизавета. Поль, тебе не все ль равно? Твоя сестра разводится, но любить тебя не перестает. Ты по-прежнему сможешь жить со мной. Этот дом я оставляю за собою.

Тереза. Что значит — этот? А мы где будем жить с Григорием?

Лизавета. Есть еще другой, в Риге. Тот ты можешь забрать себе.

Григорий нервно реагирует на их беседу, но изо всех сил старается делать вид, что он в обмороке.

Тереза. Как ты щедра!

Лизавета. Земли здешние я также оставляю за собою, а конный заводик можешь взять. Терпеть не могу лошадей.

Тереза. А я как раз наоборот! Обожаю галоп... Так бы и скакала, так бы и скакала...

Лизавета. Я рада, что угодила тебе с подарком.

Тереза. Спасибо, милая! Чудесный презент мне к свадьбе.

Лизавета. Вот, не знаю, что делать с драгоценностями его матушки. По праву они принадлежат его жене...

Тереза. Они твои по праву! Ты первая! А я обойдусь тем, что он подарит мне к венчанию. Тем более, у нас вся жизнь с ним впереди. Я драгоценности люблю, надеюсь, у него хватит денег дарить их мне по каждому случаю.

Лизавета. Еще хочу сказать, дорогая, есть кое-что, что тебе необходимо знать до свадьбы. Во-первых, он храпит. (*Григорию*) Храпит, как тысяча раненых быков! Я убить его готова порой.

Тереза. Как любезно с твоей стороны, подруга!

Лизавета. Конечно, за одну ночь всего не узнаешь. Во-вторых, он ужасный зануда! Который год пишет поэму, скажу тебе, бездарную. А когда приходят гости, сперва делает вид, что ему крайне неловко, а потом часами готов читать ее, пока гости икать не начнут от скуки.

Тереза. Я быстро избавлю его от этой страсти. Для подобных произведений лучшее место — камин.

Лизавета. Bravo, Тэзи! Ты такая отважная. Я горжусь, что мы теперь подруги. Но это еще не все. Когда он приходит с рыбалки, он никогда не утруждает себя пойти сменить белье, и вся гостиная пахнет рыбой! Он может грязные башмаки бросить прямо на ковер, и чулки разбрасывает по всему дому. В-четвертых, дорогая, он чавкает, когда ест. И ковыряет в носу, когда думает, что никто не видит.

Дамы еле сдерживают смех. Поль наблюдает за ними.

Тереза. Лизок, ты так добра. Я думаю, нам надо чаще видиться!

Лизавета. Вы можете продать дом в Риге и купить имение по соседству. По воскресеньям после литургии мы могли бы вместе устраивать пикник с шампанским...

Тереза. И жженку можно приготовить, обожаю жженку!

Лизавета. И зажарить кролика на вертеле. Поль, ты же любишь кролика? (*Поль растерян*).

Тереза. Как мило! А ты разве не собираешься постричься в монастырь? Он говорил, ты такая набожная и противница всех земных удовольствий.

Лизавета. Он так сказал? Конечно, нет! Я сразу заведу себе любовника. Или двух. Или даже трех, если они не будут слишком донимать меня.

Григорий с трудом сдерживается, чтоб не обнаружить, что он только прикидывается.

Лизавета. Закончилось шампанское.

Тереза. Я принесу.

Тереза уходит.

Картина пятнадцатая

Григорий вскакивает.

Григорий. Лиза!!!

Лизавета. Тебе лучше?

Григорий. Нет, мне очень плохо! Прошу тебя, избавь нас от нее!

Лизавета. Не глупи. Ты не в себе от счастья.

Григорий. Прости меня! Я дурак! Я поступил, как последняя скотина, но я клянусь тебе, я больше так не буду!

Лизавета. Я тоже не держу на тебя зла, давай расстанемся друзьями. Твоя новая жена милая и неплохо воспитана. Не знаю, одобрила бы твой выбор матушка, царство небесное, но я абсолютно не против.

Григорий. Я против!!!!

Лизавета. Совет вам да любовь.

Григорий. Поликарп, не молчи!!! Ты все знаешь! Я этого не хотел! Я был пьян! Я уже даже раскаялся! Лизок! Не оставляй меня с ней!

Возвращается Тереза с шампанским. Лизавета идет к ней, Григорий, ползет, цепляясь за шлейф ее платья.

Тереза. Я вижу, жених очнулся. А что же это он теперь делает? Забавный, право, у вас ритуал прощания...

Поль. Дамы, я прошу вас, прекратите этот спектакль.

Григорий. Какой спектакль, ты разве не видишь, все серьезно!

Поль. Сестра, я аплодирую тебе. Но умоляю, прости его, твой муж достаточно искупил свою вину.

Лизавета. Конечно, я прощаю. Боюсь, если мы продолжим, он окончательно лишится рассудка. Грешно смеяться, но он такой сейчас смешной!

Григорий. Что происходит? Ты меня уже простила?

Лизавета. Любовь моя, я простила тебя заранее. А теперь еще раз простила, после такой чудесной ночи.

Григорий. Что ты имеешь ввиду? Тереза?

Тереза. Вы были не со мной. (*Лизавета показывает накидку*). Мы поменялись ролями с Лизаветой. И, как видите, она отлично справилась со своей ролью.

Григорий. Выходит, я изменил своей жене со своей женою. Вот это комедия!

Лизавета. Поль, ты как догадался?

Поль. Не так сразу, как хотел бы. Вы обе великолепные актрисы.

Григорий. Зачем мне теперь театр, у меня жена — сама Мельпомена! Как я раньше этого не знал! Лизок, прости! Клянусь, ни разу больше не прочту тебе ни строчки из своей поэмы! И прикажу отвесить мне отдельный туалет для рыбалки! И капли от храпа принимать стану каждый вечер!

Лизавета. До вечера далеко, но вот, шампанского я и сама приму.

Тереза. Что ж, а мне пора вернуться на репетицию. Будем прощаться.

Лизавета. Жду тебя в гости, Тэзи. Я рада, что мы снова нашли друг друга.

Тереза. А я счастлива, что у тебя такой прекрасный муж... и брат. Поль, простите меня, я позаимствовала ваши стихи для романа. Они прекрасны, но я должна была разыграть и вас, иначе вы бы раскусили нашу проделку гораздо раньше. Вот, возвращаю. И обещаю, не исполнять нигде и никогда больше. (*Отдает Полю листок*).

Поль. Я был бы рад услышать их в вашем исполнении еще раз. И ваши мысли о свободе женщин...

Тереза. Это были ваши мысли. Но было бы любопытно побеседовать об этом.

Поль. Вы позволите навестить вас завтра?

Тереза. Мы уезжаем завтра.

Лизавета. Тэзи, ты говорила — еще неделю!

Тереза. Антрепренер недоволен сборами. Мы сегодня даем последний спектакль и отправляемся в Прагу.

Поль. Я буду там в конце месяца...

Тереза. Приходите на спектакль. Правда, пьеса на чешском. Но. Мне кажется, этот язык вы поймете, она о любви. Мне пора. Прощайте.

Лизавета обнимает Терезу.

Лизавета. Тэзи, мы не можем просто так расстаться. Мы с Гришей сегодня приедем в театр, а после заберем тебя и устроим пир до утра. (*Григорий растерян*).

Тереза. На этот раз обойдется без розыгрышей! Что ж, до вечера!

Лизавета. Поль, проводи Тэзи. Право, ты иногда ведешь себя, как болван. Гриша, а ты открывай шампанское! Мне кажется, нам есть что отметить.

Григорий. И есть чем заняться в ожидании вечера... К примеру, выбрать мне костюм для рыбалки. Зося, поди сюда!

Лизавета. Яцэк, поди сюда!

fin

Андрей Курейчик
(г. Минск, Белоруссия)

ИСПОВЕДЬ ПИЛАТА

Одноактная пьеса

Андрей Владимирович Курейчик родился в Минске. Окончил юридический факультет и факультет журналистики Белорусского государственного университета. В 2002 году прошел режиссерскую стажировку в Москве у О. П. Табакова. Первую пьесу «Исповедь Пилата» написал в 2000 году и самостоятельно поставил ее в театре БГУ. В настоящее время пьесы А. Курейчика исполняются многими театрами Беларуси, СНГ и Европы. Пьеса «Пьемонтский зверь» вышла победителем конкурса на лучшую современную пьесу 2002 года Министерства культуры России. В том же году пьеса «Старый сеньор с огромными крыльями» стала лауреатом премии «Дебют». Пьеса «Три Жизели» стала лауреатом Международного драматургического конкурса «Евразия 2004» (Екатеринбург).

В марте 2003 года Андрей Курейчик создал в Минске центр современной драматургии и режиссуры, который сейчас и возглавляет. Выступил инициатором и арт-директором Международного театрального фестиваля «Открытый формат». Автор 24 пьес и инсценировок, 2 киносценариев.

Действующие лица:

Понтий Пилат, бывший наместник (префект) Иудеи, находящийся в ссылке.

Прокула, его жена.

Марк Копоний, всадник, следователь сенатской комиссии, легат императора Гая Калигулы.

Иисус Назорей, проповедник из Галилеи.

Иаков, сводный брат Иисуса, возглавивший после его смерти Иерусалимскую общину.

Анна, бывший первосвященник.

Гарнхильк, германский вождь.

Сеян, фаворит Тиберия и командир преторианской гвардии.

Гладиаторы и публика.

Пирующие.

Калигула, женоподобное существо.

Трагики.

Действие происходит в 39 г. н. э., на острове, куда Пилат был сослан после снятия с должности наместника Иудеи. Сумрачная зала в его доме.

Пилат спит. Медленно и трудно происходит пробуждение. Видно, что сон был тяжел для него.

Пилат. Этот сон добьет меня...

Входит Прокула.

Прокула. Что ты сказал?

Пилат. Я сказал, что мне снова снился ОН.

Прокула (с надеждой). Иисус?

Пилат (мрачно и резко). Тиберий! Мне снова снилось это чудовище.

Прокула. Его руки?

Пилат. Да... (Пауза.) Его руки... Ты не представляешь, Прокула, эти старческие, трясущиеся, алчущие клешни... Они тянулись ко мне... Они воняли! Боги! Эта отвратительная вонь жадных, жирных пальцев... (принюхивается) Чем здесь пахнет? Что это за вонь?

Прокула. Не понимаю, о чем ты говоришь?

Пилат. Чем-то пахнет.

Прокула. Я ничего не чувствую.

Пилат. Но чем-то пахнет.

Прокула. Не знаю.

Пилат. Ну точно пахнет.

Прокула. Не пахнет.

Пилат. Пахнет.

Прокула. Не пахнет.

Пилат. Ну пахнет же...

Прокула. Но Понтий...

Пилат. (Орет в бешенстве) Да что это за вонь в конце концов!

Прокула. А... это рыба.

Пилат. Какая Рыба?

Прокула. Сегодня на кухню рыбу привезли.

Пилат. И чтоб все об этом узнали, завоняли ею весь дом.

Прокула. Успокойся, Понтий.

Пилат. Я спокоен.

Прокула. Он умер, Понтий. Тиберий умер три года назад. Его тело сожгли на Марсовом поле. Его уже нет...

Пилат. Я еще не выжил из ума, Прокула. Не надо со мной как с идиотом.

Прокула (с любовью). Ну что ты... Все из-за этой лихорадки.

Пилат. Да нет у меня никакой лихорадки.

Прокула. Что я не вижу? Ты весь горишь.

Пилат. Прокула...

Прокула. Сейчас тебе станет легче.

Пилат. Оставь меня.

Прокула. Хочешь, я принесу тебе питья?

Пилат. Нет. Ступай. (Прокула уходит, но он останавливает ее.) Хотя нет, пожалуйста, принеси мне воды...

Прокула уходит

Даже не знаю, что хуже сон или реальность. Там этот урод приходит лично, а здесь... Вся моя жизнь теперь — это предсмертная шутка Тиберия. Он не хотел уходить один. Он знал, что умирает, хотя и не хотел в это верить. Но знал... Его лицо

облазило стружьями. (*Смеется.*) Великий император Рима. Владыка вселенной. А боялся помереть один. Наверное, он убил бы всех, если бы мог. Со мной он расправиться не успел*... Хотя иногда мне кажется, что лучше бы меня казнили, как в свое время Сеяна**... Мне говорили, толпа три дня терзала его тело. Вместе с ним осудили его детей, маленьких детей. По закону детей нельзя было казнить. Тогда Тиберий приказал одеть мальчика как взрослого. А маленькую девочку (запинается)... Он приказал ее изнасиловать палачу, чтобы она стала женщиной. Какой-то нечеловеческий цинизм... Тогда казнили многих: и сенаторов, и всадников, и простолюдинов... Может быть, погибни я тогда, все равно это было бы лучше, чем то, что Тиберий определил мне сейчас... Сколько времени прошло с тех пор, как я покинул Иудею? Три года? Четыре? А кажется как сто или как неделя. На этом проклятом острове даже время не имеет значения. Тупая размеренность! Деревенская идиллия! Кто меня здесь окружает? Рабы? Женщины? Я здесь один!

Входит Прокула с питьем.

Прокула. А я?

Пилат. Гнию здесь. Я гнию здесь душой также, как Тиберий телом.

Прокула. Это наказание, Понтий.

Пилат (с сарказмом). Ты все об этом приговоре? Шесть лет одно и то же. Что ж он меня наказывает, если это бог всепрощения? Молчишь? То-то же! Тиберию нужен был лишь повод. В его разъединенных, сумасшедших мозгах не было ни одной здоровой мысли: один лишь страх, подозрение, ненависть. Он мстил всем, всем кому мог, за связь с Саяном, Германиком, мстил просто так, мстил за богатство, за честность, за ум, за неминуемость собственной гибели...

Прокула. Понтий...

Пилат. Ему было плевать на меня! Поэтому мое положение невыносимо. Я могу понять, когда тебе отомстили за что-то, но когда списками, просто потому, что был повод! И теперь он подох, а я сижу в ссылке на этом острове, не вправе покинуть его...

Прокула. Ты изводишь себя, Понтий. Так ты совсем себя изведешь...

Пилат. А что мне делать?

Прокула. Забудь. Забудь обо всем.

Пилат. Что же у меня тогда останется? У меня нет власти, нет свободы, нет веры, интереса... Я даже не могу нормально поспать. Что же у меня тогда останется?

Прокула (тихо). Я.

Пилат. Зачем мне ты, если у меня не будет меня?

Прокула расстроенная уходит.

(*Ей вдогонку*) И где вы взяли такую вонючую рыбу? (*Один.*) Только и осталось, что воспоминания... Я доживаю свою жизнь как старик. Без надежды, без будущего... А мне ведь еще... Всем плевать! Все сидят по своим норам, трясутся за свои посты, ждут, когда им придется увидеть цвет собственной крови... Тиберий был безумцем и тираном. Калигула*** оказался его достойным приемником. Распушенность, похоть,

---

* По сведениям Иосифа Флавия Понтий Пилат был отстранен от должности наместником Сирии Вителлием и направлен в Рим для дачи объяснений Тиберию, но тот умер незадолго до приезда Пилата.

** Сеян был ближайшим соратником Тиберия, начальником его личной гвардии, затем префектом Рима. Был казнен в 31 г. н. э., при непосредственном участии Гая Калигулы. За связь с Саяном было казнено около двухсот сенаторов, четырехсот всадников и множество простолюдинов.

*** Гай Калигула, император Рима 36-41гг. н. э. По одной из версий Пилат умер именно во времена правления Калигулы.

подлость, доносы, смерть. Все катится под откос... Те, последние ростки величия Рима, цивилизации Республики, силы и величия Божественного Августа — все затоптано, ничего не осталось... Вместо людей — сатиры! Какая-то грязь, низость... Рим превращается в крысятник: люди жрут и дают друг друга... Кровавые ручьи текут со всех семи холмов. Я удивляюсь, как Тибр еще не вышел из берегов?! Сенат раздавлен, армия деморализована... Такое впечатление, что вся метрополия — это большая оргия во время бесконечной казни.

А я ведь помню Рим совсем другим... Мальчиком, привезенный с Сицилии в Рим, я был поражен его величием, его громадностью, многолюдностью, разноголосьем. Для меня это были тысячи новых миров. И на каждом шагу, в каждом разговоре, в каждом взгляде — Божественный Август! Я спрашивал отца, когда я смогу увидеть Солнцеподобного. Я увидел его в цирке. Я помню как весь цирк разом встал — тысячи людей — и я чуть не оглох от единого восторженного возгласа «Август!» Тогда я увидел лишь складки его пурпурной мантии и золотой венец.

Панорама гладиаторского боя. Он комментирует то, что происходит на сцене.

Потом начались бои. Гладиаторы бились поодиночке и целыми армиями. Я слышал лязг их оружия, воинственные кличи, предсмертные хрипы... Я впервые увидел, как один человек убивает другого, и понял, что... я тоже так хочу! Я хочу почувствовать в руках тяжесть меча и рубить им врагов, ощущать, как меч входит в плоть... Я помню, на арене бились двое. Кажется, один из них был галл или германец, а второй — египтянин. Они уже устали. Пот лился с них ручьями. Они по долгу отдыхали перед тем как снова схватиться. Зрители были недовольны. Еще немного и на них бы выпустили хищников... Но тут галл споткнулся и египтянин ударил его наотмашь палицей по голове. Часть кожи сорвало, и кровь залила лицо. Галл как-то ошарашено посмотрел на противника, затем на зрителей и выронил из рук меч. Египтянин не знал, что делать. «Добей его! Смерть ему!» — кричали зрители. Я, помню, тоже кричал. Мне хотелось увидеть смерть галла. Затем наступила тишина. До сих пор помню эту гнетущую тишину переполненного цирка. Божественный Август встал и медленно поднял большой палец вверх. Одно его слово перевесило крики многих тысяч.

Победивший гладиатор помогает своему поверженному сопернику. Они уходят.

Холодно... Чего же здесь так холодно? И эта рыбная вонь...

Я мало помню из своего детства... Мой отец был всадником и хорошим воином. Я тоже хотел стать воином. Тогда в Риме только и говорили о новых завоеваниях. При первой же возможности я покинул Рим и уехал в Галлию, в действующую армию. Мне так хотелось доказать Августу свою преданность! Первая перемена в моей жизни. Совсем другая земля... Я такое видел впервые: сплошные леса, громадные деревья, бесконечные, непроходимые чащи, полные дичи и дикарей. Между лесами долины сочных трав, озера, полноводные реки...

Выходят варвары.

Мы не умели воевать в лесах, когда из-за каждого куста летели стрелы и дротики, когда на нас готовили волчьи ямы, заваливали дороги, поджигали деревья, отравляли воду... Именно там я учился жить в мире с народом, который был для меня и для Рима врагом. Конечно были стычки и бои, но я учился соблюдать баланс, договариваться, когда это необходимо и карать... Я пытался понять их. Галлы были сынами природы. Даже боги их жили в лесах и реках. Они бесстрашно бились, защищая свои

селения, и при этом охотно нанимались в римскую армию, если им хорошо платили. Галлы редко предавали, если не трогать их родных деревень. У меня создавалось впечатление, что мы, римляне, им и не сильно мешали. Со временем мне даже стали приятны их нравы. Их законы были просты: за убийство — смерть, как, впрочем, и за большинство преступлений. Простота управления. Стремление к простоте и справедливости во всем. Отказ от уродливых и ненужных излишеств... Да, в Галлии мне было очень хорошо...

Варвары садятся. Начинается пир, на котором присутствуют и римляне и варвары. Танцы рабынь и развлечения. Входит старый Гарнхильк.

Пилат. Аве Цезарь, приветствую тебя, *Гарнхильк.*

Гарнхильк. Добрый день, всадник. Хороший у тебя пир, веселый...

Пилат. Римляне умеют две вещи: воевать и веселиться.

Гарнхильк. Веселиться у вас получается лучше.

Пилат. (Смеется). Ах ты, старый медведь. Ты мне лучше вот что скажи, чем там твои ребята на дороге отличились? А? Почему происходит уже второе нападение на обозы в Борнском лесу?

Гарнхильк. Были нападения?

Пилат. Семеро убитых.

Гарнхильк. Я не знал.

Пилат. Знал. Но на всякий случай говорю снова, ты объясни своим что к чему. Пусть думают. Если сюда Сциллий Катон с двенадцатью когортами подойдет, он разбираться не будет — пожгут все, перебьют сколько смогут и снова на равнины уйдут. А мне тут с вами зимовать.

Гарнхильк. Да молодежь это резвиться,— еще не соображают. Вспомни каким сам был, когда сюда приехал. Грозился в два года очистить леса от союзных племен.

Пилат. Да, глупый был. Был! Ты о деле говори...

Гарнхильк. Им приказа такого не было, по дурости сунулись. Им бы побрякушки девкам принести, выделиться удалю.

Пилат. Но ты же понимаешь, чем это грозит. Объясни им.

Гарнхильк. Попробую. Только и ты своих попридержи, всадник. А то солдаты твои слишком на наших женщин заглядываются — бесполезно это для мира.

Пилат. Хватит о делах. Веселиться надо. Вина выпьешь? Александрийское вино, из Египта. Знаешь ты где Египет?

Гарнхильк. Не знаю... Да и ты про северные земли не много-то знаешь.

Пилат. Ничего, доберемся и до северных земель. Ваша земля ведь уже принадлежит Риму.

Гарнхильк. Риму? Нет, Риму принадлежит лишь земля, на которой стоят его легионы. А все что вокруг наше...

Пилат. Я вас не понимаю... Не понимаю, почему вы с таким упорством противитесь. Ведь Рим несет вам цивилизацию. Цивилизацию, понимаешь? Посмотри, мы делаем лучшее оружие, амфоры, ткани, крепости. Мы можем научить вас...

Гарнхильк. Амфоры, говоришь. Зато мы делаем лучших в мире мальчиков. Какая амфора сравнится с этим? А на счет цивилизации, я тебе так скажу, всадник... За летом всегда следует осень, за осенью — зима. Сейчас вы нам несете цивилизацию мечами и копьями. Поверь мне, пройдет время, и мечами и копьями мы понесем цивилизацию в Рим. А знаешь почему?

Пилат. Почему?

Гарнхильк. Потому что вы будете продолжать делать лучшие в мире амфоры, а мы — лучших в мире мальчиков.

Пилат. Я думаю, нескоро твои предсказания сбудутся, *Гарнсихильк*.
Гарнсихильк. Может, не скоро, а может, и скоро...

Смеется, уходит, пир пропадает.

Пилат. Все закончилось со смертью Августа. Мне пришлось ехать в Рим. Я провёл в Галлии несколько великолепных лет... А в Риме было беспокойно... Траур сопровождался отчаянной борьбой за влияние на приемника. Это было похоже на возню стервятников над трупом льва... Забавно, сейчас почти никого не осталось из тех, кто давился за власть. Их пожрала гидра, которую они сами же и породили. Именно тогда у меня появился покровитель — меня заметил Сеян. Он фактически подставил плечо Тиберию, за что тот сделал его начальником личной гвардии. И влияние его на дела в государстве росло. Тиберий как кукла слушался его советов, понимая что его власть зависит от преторианцев... Для меня это были трудные годы. Несколько раз я порывался уехать... (*Собирается уходить*).

Появляется Сеян.

Сеян. Пилат, стой...

Пилат. Я решил...

Сеян. Нельзя!

Пилат. Не уговаривай меня. Я не хочу здесь оставаться — здесь воняет трупом.

Сеян. Ты думаешь, я этого не чувствую? Я с этим трупом каждый день. Но ты мне нужен сейчас.

Пилат. Зачем? У тебя же в подчинении целая армия.

Сеян. Ты что, совсем ничего не понимаешь? Не понимаешь, что происходит? Пилат, опомнись. Прошло то время, когда власть завоевывалась армиями? Прошло время, когда Цезарь с Помпеем решали кому быть властелином Рима в открытом поле. Все изменилось. Кому достанется власть, решают десять, двадцать, тридцать человек. Мне нужны здесь люди! Нужны люди, люди, понимаешь?

Пилат. А если я не...

Сеян. Выбирай. Просто уйти не удастся.

Пилат. Хорошо, я останусь... Но пообещай мне, здесь, сейчас пообещай, что как только твоя власть укрепится, ты отпустишь меня.

Сеян. Хорошо. Дай мне год, а потом езжай, куда хочешь. Один год, я тебе обещаю...

Пилат. Кто это там? Что это за девка смотрит там из угла?

Сеян. Это? Это «Сапोजок», Калигула.

Пилат. Отпрыск Германика?

Сеян. Полный идиот. Совершенно безопасен. Любит одеваться девочкой... Смазливый, не правда ли? Будет хорошей подстилкой для любителей мальчиков. (Калигуле) Пошел вон! (Калигула прячется).

Пилат. Кто знает, кем он будет... Помни свое обещание, Сеян, помни...

Сеян и Калигула уходят.

Пилат. Он не забыл... Вскоре я, всадник Понтий по прозвищу Пилат, стал наместником-префектом* Иудеи. Мне говорили: беспокойный край, хитрые люди, жестокие нравы, подлость...

---

* Должность прокуратора вошла в обиход управления в Риме лишь после 40 г. н. э., о чем свидетельствуют последние археологические находки. Понтий Пилат был префектом (наместником) Иудеи с 26 по 36 гг. н. э.

Мое первое впечатление в Иудее — запустение. Нет, мне там сразу не понравилось. Высохшие равнины, почти нет лесов, лишь хлипкие рощи смоковниц, палящее солнце, глиняные лачуги, налипшие одна на другую... Восток. Желтый, многоликий восток... О вольной, просторной, зеленой Галлии остались лишь воспоминания. После смерти Ирода* разделенная на тетрархии, управляемая его бездарными сыновьями и всесильными священниками, Иудея предстала передо мной какой-то мешаниной. Двенадцать колен Израиля, самаряне, галилеяне, арабы, сирийцы, греки — кто только не населял эти бесплодные холмы. Они были помешаны на религии. При том, что у них был всего один бог. Я старался не оскорблять их суеверий. Собственно, они меня мало интересовали. Саддукеи, фарисеи, zelоты, какие-то секты, сикхари... Они резали, давили, убивали друг друга во имя своего бога. Это их право. Поразительно, такой ненависти и лизоблудства одновременно я еще никогда не видел. Они искусно скрывали свой страх, проявляя его лишь для того, чтобы потешить мое тщеславие.

Три брата у власти в раздробленной Иудее: старший — Архелай — подловатый, трусливый подхалим, пьяница и глупец; средний — Ирод Антиппа** — достойный сын своего отца, хитрый, жестокий, и при этом ленивый и податливый; и Филипп, который, наверное, стал бы хорошим фермером или торговцем, все честолюбие которого сводилось к льстивым мордам крестьян Гавлотиниады. Они ненавидели друг друга. Может быть, они бы перетравили друг друга, если бы не... Рим. Я! Я был вынужден своими легионами, как малых детей, разводить их по углам. Я был для них надзирателем. Или воспитателем. Я думаю теперь, Ирод, если бы смог, с удовольствием перерезал бы мне глотку. Не без участия Анны, естественно... Хотя Анну, эту удивитую змею, я бы и сам... Да... Анна...

Появляется Анна.

Я сперва не разглядел его. Сначала он был прост и незаметен, но постепенно начинаешь ощущать его силу. Он был везде... Я сразу понял, что ему передаются все мои речи, я понял, что меня подслушивают и даже иногда позволяют себе читать мою переписку. Я сменил прислугу — не помогло. Несколько человек казнил... Но это не имело никакого значения. Анна обладал гигантским влиянием. Не смотря на то, что его ненавидели, Анна всегда мог заставить иудеев поступать так, как ему это было нужно. Иногда он играл толпой, как атлет мускулами, просто так, для того, чтобы продемонстрировать свою силу... Мне продемонстрировать! Он думал, что может управлять мной. Он пытался меня запугивать, хотел подкупить. Он жаловался на меня наместнику Сирии Публию Флакку***, но тот сразу раскусил мерзавца. Если бы он смог, то, наверное, пожаловался бы самому Цезарю. Старый скабрезник! Доносил ведь и боялся! Трясся от страха и все равно доносил! Даже когда сам не решался, подставлял родственников: сыновей, зятей, братьев, которых распихал по синедрионам всей Иудеи, Галилеи и Перее. У него везде были свои агенты. А он платил им деньгами, которые зарабатывал на торговле в храмах. Ему было плевать на народ. В Иерусалиме люди семьями гибли от тифа и плохой воды. «Дай людям воду,— сказал я ему.— Твои же иудеи болеют и умирают». Никогда не забуду его отвратительную ухмылку.

Анна. Они умирают не от плохой воды, а от гнева Господня. Умирают за то, что преступают Закон Моисеев.

---

* Ирод Великий (73 г. до н. э.— 4 г. до н. э.), царь Иудеи с 40 г. до н. э.

** Ирод Антиппа, один из сыновей Ирода Великого, получил по завещанию отца Галилею и Перее, которыми управлял в качестве тетрарха с 4 по 39 г. н. э. Низложен Калигулой и отправлен в ссылку.

*** Публий Помпоний Флакк, наместник Сирии 32—35 гг. н. э. Правители Иудеи являлись подчиненными наместников Сирии.

Пилат. Этот цинизм взбесил меня. «Мне плевать на Закон!» — сказал я. В тот же день я приказал арестовать храмовые сокровища и употребить их на строительство водопровода в Иерусалим.* Анна всеми силами пытался помешать мне. Он начал распускать разные слухи.

Анна (зрителям). Из-за гнева божьего на мое богохульство рухнула башня Силоамская, задавив восемнадцать человек.

Пилат. Его раввины начали подстрекать народ к бунту. Меня предупредили, что в Иерусалиме меня ждет разъяренная толпа. Полгорода собралось для того, чтобы требовать от меня прекратить строительство. Идиоты! Мне что ли нужен этот водопровод!? Мои детидохнут от тифа?! Они не понимают: если они хотят смерти друга, пусть просто устроят резню. Им плевать на своих детей во имя бога. Я не собирался подчиняться их дурости. Я до сих пор помню взгляд священника Анны: полный бессильной ненависти, злобы и страха...

Я не отдал ему деньги и достроил водопровод. Если иудеям не нужна вода, то ее будут пить римские легионы. Они еще удивляются, что их народ завоевывают все кому не лень! Евреи как овцы, которые пытаются обмануть пастуха, играя на его чувствах жалобным блеяньем. Они пальцем не пошевелят сами — ждут своего Мессию, царя. Они не могут спастись сами — им необходим спаситель. Им нужен пастух. Да кому они нужны? Хитрые, опасные овцы, время от времени убивающие друг друга... Никогда их не понимал. Галлам, тем же галлам и в голову не взбредет ждать какого-то мистического избавителя. Они бы дрались, дрались бы до последнего, потому что галлу нужна свобода сейчас, сию минуту, они готовы взять ответственность. А евреи? Прошли времена Макковеев**. Израильскому государству — конец! Осталось большое стадо...

Я помню начало своего наместничества: я переводил легионы в Иерусалим***. Естественно перевозили и знамена когорт, с орлами и ликами Цезаря. Меня предупредили, что иудеи ревностно относятся к изображениям людей и животных в своем городе. Хорошо. Я сказал: «Внесите ночью». Я не мог ввести когорты без знамен — это был бы позор. Позор римской армии. Все было сделано тихо и спокойно. Утром Анна был у меня.

Анна. Ты поступаешь недальновидно, игемон. Люди требуют уважения к себе и к своему Богу. Но если власть не уважает народ, он отвечает ей тем же...

Пилат. Мне плевать.

Анна. Такая власть долго не держится, игемон.

Пилат. Ты мне угрожаешь?

Анна. Чем я могу угрожать наместнику всесильного Рима? Я всего лишь немощный старик, который скоро покинет этот мир. Я предупреждаю и исключительно во твое благо.

Пилат. Спасибо за заботу. Только учти, Анна, я поступлю так, как считаю нужным во славу Цезаря, даже если для этого мне придется перебить весь твой уважаемый народ.

Анна. Пусть так (в сторону), но ты захлебнешься в этой крови.

Пилат. Он ушел... Через час вокруг дворца стали собираться люди: горожане, возбуждаемые священниками, требовали меня. К вечеру в город стал стекаться народ с окружающих деревень. Слухи о святотатстве нового наместника распространялись как

---

* Этот случай описан у Иосифа Флавия.

** Макковей, легендарные братья возглавившие народно-освободительную войну против династии Селевкидов, правившей в Иудее с 200 г. до н. э., и отличавшейся особой жестокостью и притеснениями иудеев. В результате Макковейских войн младший из братьев стал царем, Иудея обрела независимость — Хасмонейское царство, существовавшее вплоть до завоевания его римским полководцем Гнеем Помпеем.

*** Этот случай также описан у Флавия.

пожар. Мне это было даже забавно. Я решил посмотреть на сколько их хватит. Они кричали день, два, три... Анна доставлял им провизию и вино. На пятый день я приказал сообщить толпе, что скоро выйду к ним и объявлю свое решение. Предварительно же я приказал солдатам окружить площадь так, чтобы ни один — ни один не вырвался... Легионеры несколькими рядами оцепили толпу и начали сжимать кольцо. Я хотел отрезвить людей. Анна подстрекал их.

Анна (Всем зрителям). Ничего, ничего... Он еще дождется своего часа... Господь не оставит нас. Он покарает нечестивца. Пилат сдохнет как собака! Не бойтесь... Не бойтесь, дети мои...

(Конкретному зрителю) Ты. Ты сможешь мне. Нет, я плохо сказал. Ты сможешь своему народу. Понял? Когда я дам знак ты крикнешь во весь голос: «Долой Пилата!» Ясно? По моему знаку...

(Всем) Мы станем десницей Господа. Мы свернем шею этому выродку...

(Манит пальцем зрителя) Ты слышишь, какой-то голос кричит «Смерть богохульнику»? Это твой голос. По моему сигналу ты крикнешь это. Понял? И пусть вся ненависть Иудеи возопит в этом крике.

(Всем) Он еще узнает силу святого народа.

(Третьему зрителю) Тебя я прошу о помощи. Ты ведь не откажешь мне? Ты крикнешь, когда я укажу на тебя. Крикнешь громко «Вон из Иудеи!» Господь не забудет тебя в своей милости...

(Всем) Когда услышите крики собратьев ваших, шипите и топайте ногами, и свистите, и гремите... Чтобы богохульник знал, что нет в Иудее сердца, не ненавидящего его... Все! По моему знаку... Сейчас!

Крики. «Долой Пилата!», «Смерть богохульнику!», «Вон из Иудеи!»

Пилат. На это я сказал, что порублю всех, кто не примет ликов Цезаря. Легионеры обнажили мечи. Эти люди смотрели на меня со страхом и изумлением, а затем вдруг стали падать ниц. Все. Тысячи людей стали передо мной на колени. Их гордость оказалась такой же фальшивой, как и их храбрость. Они умоляли меня. Они унижались, потому что хотели жить и боялись своего бога. Я снова видел перед собой стадо овец. Я убрал знамена... Я убрал знамена не потому, что побоялся их перебить, а потому... что пожалел их. Пастух не должен уничтожать свое стадо только потому, что овцы дурнее человека...

Анна уходит.

Варварская страна. Они ненавидят любого, кто ими правит: они ненавидели Ирода, ненавидели Антиппу и Архелая, Грата, Анну и... меня. Все-таки как они меня ненавидели! Даже приятно! В этом было свое очарование, свой интерес. Да... я бы, наверное, там еще остался. Ко всему привыкаешь, даже к подлости и ненависти. Даже как-то неуютно себя чувствую без милых проделок старого Анны, без пьяных оргий Архелая и скрытой женской ненависти Иродиады. Марулл* станет хорошим префектом. Может быть он сможет...

Входит Прокула.

Прокула. Понтий, я не потревожила тебя?

Пилат. Что еще?

Прокула. Только что на остров прибыл посланец из Рима. Всадник *Копоний*. Он хочет видеть тебя.

---

* Марулл, преемник Пилата на должности наместника Иудеи и Самарии.

Пилат. Приведи его.

Прокула уходит.

Пилат. Что еще им надо от меня? Каким ветром его занесло сюда? Или может быть Калигула вспомнил обо мне?

Входят Прокула и Копоний.

Копоний. Привет тебе, благородный всадник Понтий Пилат, и долгих лет. Я Марк Копоний легат Цезаря Гая.

Пилат. Привет тебе, всадник. Твоего отца добрым словом помнят в Иудее. Он был хорошим наместником*.

Копоний. Спасибо. Я стараюсь быть достойным своего отца.

Пилат (тихо). Это похвально.

Копоний. Что?

Пилат. Я говорю, это похвально чтить память своих предков. Да ты не обращай внимания на мои слова, молодой *Копоний*. Здесь от одиночества начинаешь говорить действительно то, что думаешь. Так с чем ты приехал ко мне, всадник?

Копоний. Увидеть тебя, Понтий.

Пилат. Ну и как впечатления? Я вижу скорбные. Что нового в Риме?

Копоний. О Рим, Рим, столица Вселенной... Рим нынче просто фонтанирует жизнью. О, там сейчас весело! Хлеба, как обычно, мало, зато зрелищ... Император Гай большой выдумщик по этой части. Такой затейник. Каждый день гладиаторские бои, священные церемонии и праздники. Праздники и казни. Так трудно выбрать куда пойти.

Пилат. Как я тебя понимаю.

Копоний. А недавно Калигула и вовсе превзошел сам себя. Открыл бордель.

Пилат. Что, хороший бордель?

Копоний. Потрясающий! Калигула заставил сенаторов поставлять туда своих жен. Вот где гетеры... (*Хохочет*). Смешно.

Пилат. Обхохочешься.

Копоний. Нет, там правда весело.

Пилат. Это потому что ты не женат.

Копоний. Зато я теперь знаю, почему и не стоит этого делать.

Пилат. И не тяжело вести такую активную жизнь?

Копоний. Иногда утомляет. Так и тянет, знаешь ли, куда-нибудь в деревню... На Капри или в Ниццу. А с другой стороны эта скука... Вот так и разрываешься в неразрешимых противоречиях...

Пилат. Понимаю. Как поживет наш божественный император Калигула. И вообще, кто он нынче: прекрасный Аполлон или Венера?

Копоний. Он считает, что он воплощает в себе сразу весь пантеон.

Пилат. И то правда. Если уж быть кем-то, так всеми римскими богами сразу. А как поживает его четвероногий конь – сенатор? Надеюсь, ржет в поддержку своего императора?

Копоний. Ты шутишь?

Пилат. Ну почему же. Я уверен это будет великий сенатор, хоть и не затмит сразу весь пантеон богов и богинь. Любой конь все равно лучше ослов. В общем ничего нового... Но я вижу ты принес мне новости. Какие новости: хорошие или плохие?

---

* Имеется ввиду префект Иудеи Копоний, правивший там с 6 по 9 гг. н. э.

Копоний. Нам надо поговорить с глазу на глаз.

Пилат. Ясно... Значит новости плохие. Ступай, Прокула, распорядись о трапезе.

Прокула. Он иногда говорит всякие странные вещи. Не обращай внимания, всадник. Это все лихорадка...

Пилат. Прокула!

Прокула. Лихорадка и одиночество...

Прокула уходит.

Пилат. Я слушаю.

Копоний. Мне трудно это рассказывать.

Пилат. Неужели все так плохо?

Копоний. Император Гай велел провести сенатское расследование деятельности некоторых лиц, назначенных при Тиберии. Говорят, что это входило в завещание самого Тиберия. Никто не может понять...

Пилат. Расследование? С какой целью?

Копоний. Я буду с тобой откровенным, Понтий. Мне это все самому не по душе. Это расследование имеет целью твое осуждение как изменника и хулителя Цезаря.

Пилат. Значит ему мало моей ссылки?

Копоний. Возможно это воля не самого Цезаря, а кто-то вложил эту идею ему в уши.

Пилат. Раньше уничтожали негодных в Риме, а теперь, видишь ты, добрались и до провинций. Неужели в Риме не осталось кого казнить?

Копоний. Ты шутишь?

Пилат. Ну почему же... А вообще забавно. И как прошло расследование?

Копоний. Я только что из Иерусалима, говорил с новым префектом Маруллом *, был в Сирии у Вителлия **, где узнавал подробности твоего отстранения.

Пилат. Да, нашел у кого узнавать. Он сыграл в этом не последнюю роль.

Копоний. У меня с собой достаточно обвинений, возводимых на тебя Иродом и Каиафой. Этого будет достаточно.

Пилат. Ты считаешь их истинными?

Копоний. От меня требовалось найти любые обвинения. Я знаю, что Анна подкупил свидетелей, а Ирод ненавидит тебя. Комиссии будет все равно...

Пилат. Римское правосудие в действии. А ко мне ты зачем приехал?

Копоний. Чтобы дать тебе возможность оправдаться.

Пилат. Всем плевать на мои оправдания. Есть что-то еще...

Копоний. Да, есть кое-что еще... На самом деле комиссии было поручено провести два расследования. Одно — на счет тебя. А другое... Мне поручили расследовать обстоятельства смерти одного человека. Этот человек был распят по обвинению в обольстительстве в бытность тебя, Понтий, префектом.

Пилат. Я, кажется, догадываюсь, о ком ты говоришь. Ну-ну, продолжай...

Копоний. Это было в восемнадцатый год Тиберия Цезаря. Помнишь? Ты утвердил смертный приговор синедриона и отправил на казнь некоего проповедника из Северной Галилеи по имени Иисус, прозванного также Назореем. Ты помнишь его?

Пилат. Да.

Копоний. Ты знаешь что-нибудь об этом человеке?

Пилат. Я хочу услышать, что ты узнал.

---

* Марулл, наместник Иудеи 37—41 гг. н. э.

** Луций Вителлий, консул 34, 43 и 47 гг., 35—39 гг. — наместник Сирии.

Копоний. Хорошо. Он родился в год большой переписи, устроенной по приказу Божественного Августа Квиринием*.

Пилат. Я помню эту перепись.

Копоний. В тот год семья его: плотник по имени Иосиф и его тяжелая жена, Мария, направились в город Вифлеем. Там она и родила Иисуса. Мальчик тоже учился ремеслу плотника и после смерти отца содержал себя и мать поденными работами. Все это время они жили в Назарете Галилейском. Проповедовать он начал, когда ему было около тридцати лет, сначала в своем родном городе, но там его проповеди восприняли враждебно. Тогда Иисус уехал в маленькое селение Капернаум. Говорили, что отец его, Иосиф, был из рода царя Давида. Это добавило популярности молодому Иисусу. Почитателей у него становилось все больше. Говорили, что он является мессией для евреев. Говорили, что он обманом возбуждал народ к восстанию... Впрочем, я не знаю, насколько все это правдиво. Его ученики утверждали обратное.

Пилат. С кем ты говорил?

Копоний. С его сводным братом, Иаковом. После смерти Назорея он возглавил общину его почитателей в Иерусалиме.

Пилат. Я знал его. И что он сказал тебе?

Копоний. Он сказал, что Иисус принес евреям благовест. Он сказал, что Иисус был мессией, спасителем, пришествие которого предсказывали их древние пророки.

Пилат. Да, я слышал это не однажды. Моя жена, Прокула, до сих пор очарована этими суевериями.

Копоний (шутливо). Должно быть, странно быть очарованной человеком, которого муж приговорил к распятию...

Пилат (грубо). Не твое дело. И что же ты узнал про мою роль в этой истории?

Копоний. Анна мне сказал, что ты охотно утвердил приговор синедриона, потому что сам убедился, что Назорей — лгун, богохульник и обольститель...

Пилат (с иронией). Даже так?

Копоний. Анна в этом остался очень довольным тобой.

Пилат. Жаль... А я надеялся, что не оставлю ему повода для довольства. Были еще мнения?

Копоний. Я спросил у Иакова. Он сказал мне, что ты осудил Иисуса по слабости.

Пилат (изумленно). Так и сказал?

Копоний. Он сказал, что, может быть, ты и отпустил бы его, но побоялся влияния Анны и Каиафы. Что ты пытался спасти его, осудив лишь на бичевание и поношение, но не на смерть. Однако приспешники Анны собрали толпу и подстрекали ее требовать смерти Назорея. И ты умыл руки и утвердил приговор...

Пилат. М-да... Тоже интересная трактовка.

Копоний. И кто из них ближе к правде?

Пилат. Никто.

Копоний. Все было не так?

Пилат. А разве теперь это имеет какое-нибудь значение?

Копоний. То есть как? Я приехал сюда за правдой.

Пилат. Правда — не женщина, что с ней делать, непонятно. Вот что ты с ней будешь делать, с правдой?

Копоний (неуверенно). Ну я...

Пилат. Впрочем, это не важно. Я вижу, ты хочешь меня спросить о чем-то. Спрашивай.

Копоний. Что ты знаешь об Иисусе?

Пилат. Немного больше тебя. Ты почти все правильно сказал. Ходили слухи,

---

* Публий Сульпиций Квириний, легат Августа в Сирии и Финикии прим. в 4 г. до н. э.

правда, что Иосиф-плотник был слишком стар, когда Мария вошла в его дом. Ты понимаешь меня. Говорили, что она в грехе зачала ребенка*. А Иосиф по жалости, чтобы избавить от ее от побивания камнями, а ребенка от позора, покрывал ее. Позже даже сводные братья Иисуса подозревали его в сумасшествии. Я думаю, всем бы было наплевать на этого человека, на его учение, если бы не его союз с неким Иоанном, влиятельным ессеем**, крестившем людей в Иордане.

Копоний. Я слышал, недавно он был казнен Иродом.

Пилат. Забавно...

Копоний. Как проходил суд?

Пилат. Ты хочешь узнать как он проходил на самом деле?

Копоний. Да.

Пилат. Хорошо, я расскажу тебе. Мне привели его перед Пасхой с уже составленным приговором синедриона, который я должен был утвердить. Один взгляд на эту бумагу — и стало понятно, что приговор вынесли второпях и с многими нарушениями. Не был соблюден даже иудейский обычай³. В общем, от этой бумаги издалика несло проделками этого старого стервятника — Анны. Я решил познакомиться с подследственным поближе, в надежде найти повод, чтобы отменить приговор. Как сейчас помню этот разговор. Иисуса привели ко мне...

Вводят Иисуса.

Ты Иисус, сын Иосифа-плотника из Назарета?

Иисус. Да.

Пилат. Ты обвинен синедрионом в обольстительстве, богохульстве и преступлении против Закона иудеев. Признаешь ли ты обвинения?

Иисус. Нет.

Пилат. Тебе дали возможность оправдаться?

Иисус. Нет.

Пилат. Кто свидетельствовал против тебя?

Иисус. Я их не знаю.

Пилат. Они свидетельствовали правдиво?

Иисус. У меня нет и не было тех намерений, которые они мне приписывали.

Пилат. Так... Ясно. Значит, вины за собой не находишь?

Иисус. Моя вина лишь в том, что я нес Слово Божье людям и дарил им надежду.

Пилат (встревоженно). Надежду? Надежду на что?

Иисус. Надежду на спасение, на другую, лучшую жизнь, на лучшее царство, на любовь...

Пилат. На спасение? Ты, иудей, выражайся яснее. Можно истолковать, что ты обещаешь евреям освобождение от власти Цезаря. Это преступление.

Иисус. Мое царство не от мира сего. Мое царство в сердце каждого. Это Царство Небесное. И в твоём сердце, игемон...

Пилат. Ну ясно... Все это ваша иудейская демагогия. Меня это мало интересует, Назорей. Мои вопросы не касаются Бога, Закона или этики. Ответь прямо, ты подстрекал иудеев к бунту?

Иисус. Нет. Я призывал их к человеколюбию.

---

* Это талмудическая трактовка, которую поддерживали некоторые античные антихристианские писатели (например Цельс).

** По мнению большинства исследователей, Иоанн Предтеча был предводителем большой ессеической общины, проповедовавшей мессианские идеи и близкий конец света, что и сблизило его с ранними христианами, которые также первоначально рассматривались как ответвление ессеического движения.

Пилат. А разрушение храма? Не ты ли бесчинствовал в Иерусалимском храме и грозился разрушить его в три дня?

Иисус. Храм строился дыханием божьим и разрушится им. Первосвященники нарушили заветы патриархов и судей — Гнев Божий рано или поздно настигнет их...

Пилат (себе под нос). Хорошо бы. (*Иисусу.*) Короче, к разрушению храма ты не призывал.

Иисус. Нет.

Пилат. Тебя били? (*Иисус отрицательно качает головой*) Нет? Ну не отчаивайся, все еще впереди... Сколько у тебя приспешников?

Иисус. Много... Даже больше, чем они сами о себе могут подумать.

Пилат. Мне донесли, что несколько тысяч.

Иисус. Моя задача — донести благую весть всем.

Пилат (Копонию). Вот тут я задумался. Мне очень хотелось досадить Анне. Повод был — подлог документов, лжесвидетельство, клевета... Наверное, я бы мог его освободить. Но были и другие обстоятельства. (*Иисусу*) В общем, вины за тобой не нахожу.

Иисус. Так ты отпустишь меня, игемон?

Пилат. Не все так просто, Назорей. Как судья и блюститель справедливости я должен не утверждать приговор и освободить тебя. Но что это за собой повлечет? Анну это только разозлит. Он не смирится: не пройдет и нескольких дней, как его люди найдут тебя и перережут горло. А свалят — свалят все на грабителей или zelотов. Может быть, ты даже не успеешь выехать из Иерусалима...

Иисус (не прерывая его, с ужасом). Господи, как же так...

Пилат. Или я могу подписать приговор.

Иисус. И как же ты поступишь?

Пилат. Я расскажу тебе кое-что, Назорей. Это было года четыре тому назад*. В Самарии появился человек, египтянин, похожий на тебя. Он тоже пытался открыть людям глаза. Его популярность росла... Однажды он объявил проповедь на священной горе Гаризим**. Множество людей собралось послушать его... Проповедь египтянина была безобидна, но люди не поняли его. Они стали вооружаться, потому что он пообещал им свободу. Весть об этом как чума распространилась по Самарии. В Тирафане Самаритянском собиралось целое войско. Их не интересовало, о какой именно свободе сказал им египтянин. Они все поняли по-своему. Мне пришлось напасть на них. Тогда погибло очень много достойных самаритян. Многих потом казнили за участие в мятеже. И у меня не было другого выхода, пока я — наместник Цезаря здесь. Понимаешь? (*Резко.*) Отвечай!

Иисус. Что ты хочешь услышать, игемон?

Пилат. Если я оставлю тебя жить, твои ученики будут умножаться и приумножаться. Ты не сможешь объяснить каждому про царство небесное. Они будут искать справедливое царство здесь. Им не нужен мессия. Им нужен царь. Они ждут нового Давида.

Иисус. Я дам им лучшую надежду.

Пилат. Я не боюсь мятежа, Назорей. Армия Рима бесчисленна и непобедима. Но мне жалко тех людей, множество людей, которые погибнут в бойне и которых мне придется осудить на смерть и подвергнуть пыткам. Ты понимаешь? Их жизни будут

---

* В реальности (по информации Флавия) именно этот случай в биографии Пилата стал поводом для его отстранения от должности.

** На горе Гаризим существовал самарянский храм, выступавший конкурентом иерусалимскому и потому разрушенный в 128 г. до н. э. иудеями при завоевании Самарии. О нем упоминается в Евангелии (Иинн 4:20).

не на твоей, а на моей совести. Ты останешься ни при чем, а Пилат будет тираном и кровопийцей. И мне это не кажется забавным. Послушай, Назорей, я не имею ничего против тебя. Может быть, ты даже в чем-то прав... Я не берусь судить. Но я здесь наместник, и моя задача — сохранить жизнь поданным, когда это возможно, а не устраивать бессмысленные бойни. И если у меня будет выбор между одним проповедником, пусть и ни в чем не повинном, и тысячами иудеев и римлян, которые погибли в пламени восстания — я не буду колебаться. Пожалуй, мне придется утвердить приговор, Назорей.

Иисус. Но как же так?

Пилат. Хотя нет... Можно сделать по-другому. Я могу отпустить тебя...

Иисус (с надеждой). Правда?

Пилат. Конечно. Но при одном условии: ты вернешься в Капернаум, освободишься от всех своих учеников, перестанешь проповедовать и будешь простым плотником или рыбаком — как хочешь... Я даже готов предоставить тебе охрану и покровительство. Ну так как? Ты согласен?

Пауза.

Иисус. Нет, игемон. Я так не могу. Нет.

Пилат. Ну почему?

Иисус. У меня другая судьба. Ты не поймешь. Я не могу...

Пилат (разочарованно и неохотно). Я прикажу бичевать тебя. Потом ты будешь прилюдно низведен и унижен, чтобы больше ни у кого не возникло желание стать царем иудейским. И после этого я снова дам тебе выбор. Так что подумай, Назорей, хорошенько подумай: можешь ли ты жить простым человеком и готов ли ты к распятию...

Иисуса уводят.

После бичевания его еще раз привели ко мне. Увидев его, мне стало ясно, что он уже достаточно наказан. Я решил дать ему еще один шанс. Я сказал, что если его ученики вступятся за него и присягнут Цезарю, я отпущу его. Потом Иисуса вывели на площадь... Ты знаешь, Копоний, я сам изумился, не нашлось ни одного человека, который защитил бы его, я не знаю, хоть словом, хоть возгласом неодобрения... Я надеялся, что его ученики все-таки придут увидеть своего раввина. Никого! Ни одного человека среди нескольких сотен на площади! Они испугались. Он не согласился стать простым человеком. Я утвердил приговор. Вот и все...

Копоний. Ясно... Я сообщу комиссии об этих подробностях. И больше ты не возвращался к этому делу?

Пилат. Только однажды. Я уже сказал, что Прокула, жена моя, была очарована проповедями этого назаретянина. Я ей объяснил, почему мне пришлось утвердить приговор. Она простила меня, но не смирилась... Прошли годы, а я чувствовал, что это дело все еще тревожит ее. Она не понимала, почему его ученики ничего не сделали, чтобы заступиться за учителя.

Копоний. И что же ты сделал?

Пилат. Я велел разыскать главаря его общины, того самого Иакова, сводного брата Назорея. Сейчас припомню... Это было в последний год моего наместничества, а кажется, это было вчера...

Входит Иаков.

Проходи. Ты Иаков, сын Иосифа, сводный брат Иисуса, прозванного Мессией и казненного три года назад?

Иаков. Я, игемон. Ты вызвал меня, чтобы также казнить за мнимые преступления?

Пилат. Ты испугался?

Иаков. Я уже немолодой человек, игемон. Конец моей жизни не за горами, и какая разница каким он будет? *(Пауза.)* Если всем воздастся по делам их...

Пилат. Я не занимаюсь религиозными преступлениями — это дело синедриона. Я пригласил тебя просто поговорить...

Иаков. Что-то я не слышал, чтобы Римский всадник, наместник Цезаря хотел поговорить с бедным иудеем, да еще братом распятого за обольстительство.

Пилат. Я хочу, чтобы ты прояснил мне то, что я не понимаю. Вот уже три года не понимаю.

Иаков. Спрашивай, игемон.

Пилат. Прежде я хочу тебе сказать, что я не нашел вины в Иисусе. Я предлагал ему волю в обмен на обещание прекратить опасные проповеди.

Иаков. Он не согласился.

Пилат. Нет, он не согласился, *Иаков.* Впрочем, у него была еще одна возможность избежать креста.

Иаков. Какая?

Пилат. Я сказал Назорею, что освобожу его, если его ученики заступятся за него и поручатся передо мной, что Иисус безвреден Риму и не нарушал иудейского Закона. Но и я, и он ждали напрасно...

Пауза.

Чего ты молчишь, Иаков?

Иаков. Мы не знали об этом...

Пилат. Ты считаешь, это оправдание?

Иаков. Нет.

Пилат. Почему вы не попытались спасти его?

Иаков. Мы думали, что это невозможно. Мы решили сохранить его учение...

Пилат. Ты сам не веришь в то, что говоришь.

Иаков. Но...

Пилат (грубо перебивает). Чушь! Это самооправдание! Вы трусили. Вы разбежались по углам, как крысы, едва почуяв запах опасности, едва завидев бороду Анны. Конечно, очень удобно сохранять учение, избавляя от опасности собственные жизни... Или все наоборот? Сохранять жизни, по предлогу продолжения учения?

Иаков. Нет, нет, все было не так! Мы, мы растерялись... Мы все молились за него. Судьбы его была в руках Господа...

Пилат (тихо). Овцы... *(Иакову)* Его судьбы была в ваших руках.

Иаков. Мы по-разному смотрим на мир.

Пилат (с издевкой). Ну конечно, Иаков, это все так легко объясняет... Нет, нет, это самообман. Знаешь что, когда-то, уже давно, я служил в Галлии — дикой стране, далеко на севере. Там люди еще не строят городов, живут племенами в бескрайних лесах... Так вот, ты можешь, что угодно говорить мне о разных взглядах на мир, только я знаю очень хорошо, Иаков... *(Пауза.)* Бывало, во время битвы мы захватывали их вождя, и тогда галлы, все как один, воины, старики, женщины, иногда даже дети — все делали что-то для его освобождения... Я знаю, что они бы бились, бились до конца, бились до последнего, даже если им противостояли все имперские легионы, бились, даже если не было ни одного шанса... Я уважаю их за это, уважаю, потому что сам делал бы также, и не уважаю тебя. Только овцы ничего не делают для

спасения своего пастыря. И не важно белые овцы или русые, ессеи или фарисеи. Я не хочу, чтобы ты оправдывался, *Иаков*. Мне не нужны оправдания. Если бы тебе было, что сказать, ты сказал бы раньше... Я хочу, чтобы ты понял: подписал этот приговор я, а утвердил, утвердил его ты — ты и твои товарищи. Твой брат и учитель, наверное, простил бы тебя, но спроси себя, достоин ли ты прощения...

Иаков. Мне не в чем перед тобой оправдываться, игемон. Ты просто не представляешь, с чем ты столкнулся. Мне жаль тебя, ты проклят, потому что тебе даже не дано это представить...

Пилат. Ступай, *Иаков*, больше мы с тобой не увидимся.

Иаков уходит.

Ты удовлетворен, *Копоний*?

Копоний. Мое расследование закончено. Я передам комиссии все, что рассказал мне.

Пилат. С моими наилучшими пожеланиями.

Копоний. Если ты приедешь в Рим, не говори на судилище, что я предупредил тебя.

Пилат. Я понимаю... Спасибо тебе, всадник. Я ценю то, что ты сделал для меня. Забавно, *Калигула* хочет довести до конца дело *Тиберия*.

Копоний. Тебя будут судить, всадник.

Пилат. Я готов... Вот только...

Копоний. Что?

Пилат. Последнее время я стал себя хуже чувствовать. Какой-то непонятный недуг беспокоит меня... (*Копоний показывает, что он понял намек.*) Ты меня правильно понял, *Копоний*. Все нити в руках у богов. Кто знает, когда нити могут порваться?

Копоний. Я учту это, *Понтий*. А теперь мне надо ехать.

Пилат. Удачи тебе всадник. Спасибо, что развлек меня...

Копоний уходит.

Хороший юноша... Чего только не сделаешь ради карьеры? Хотя надо отдать ему должное, доносами ему заниматься пока не нравится. Но у него еще все впереди. Да... Как все изменилось. Тебе с заговорщицким видом сообщают о твоей же возможной казни. *Тиберий*, *Калигула*... Сумасшедшие делают с Римом, что хотят, а римляне подчиняются. Не понимаю. Раньше это были гордые люди. Неужели все? Неужели после *Августа* только упадок? Неужели гордость и самоуважение покинули римский народ. Белые овцы, русые овцы... Мы делаем самое худшее, что только может быть — мы терпим. Терпим в мистической надежде на улучшение. Трясемся за свои жизни. Мы становимся похожи на них... А значит, когда-нибудь придут галлы или германцы, придет свободный народ, чтобы править рабами. Овцы не умеют защищаться...

Входит Прокула.

Прокула. *Копоний* уехал. О чем вы с ним говорили?

Пилат. О многом... Он расспрашивал меня об Иудее.

Прокула. Зачем?

Пилат. Потом, *Прокула*. Я не хочу сейчас возвращаться к этому... Давай ты спросишь меня завтра?

Прокула. Ты в мрачном настроении, Понтий? Этот разговор заставил тебя тосковать?

Пилат. Я много вспоминал...

Прокула. Опять? (*Обреченно вздыхает.*) Ты снова изводишь себя. Нельзя так.

Пилат. Не начинай...

Прокула. Нельзя жить прошлым. Иисус говорил, что жизнь — это не прошлое. Жизнь — это настоящее и будущее. Жизнь — это надежда. Неужели тебе совсем не на что надеяться?

Пилат. Не знаю.

Прокула. Понтий, ну улыбнись... Ведь мир так прекрасен. Оглянись вокруг — мир прекрасен и без власти, без богатства, без постоянной войны и ненависти, без подлости и жестких противостояний... Здесь не по чем тосковать! Зачем? Выйди из этой сумрачной залы? Там, столько всего хорошего... Там светит солнце, деревья зелены а люди радостны... Жизнь никогда не останавливается. Порадуйся вместе с ними. Есть столько вещей, которым можно радоваться: смех младенца, запах апельсиновой рощи, простор моря с высокой скалы. Вчера в селении я увидела двух греков. Они оказались трагиками, трагиками с Пеллопонеса. Они устроят нам представление. Это же весело, Понтий! Сейчас я их тебе покажу. Они здесь... (*Выбегает, возвращается*) Трагики с Пеллопонеса.

Появляются трагики в масках.

Трагики.

Мы трагики! Это значит, что сейчас,
Для вас сыграем чудо-представленье!
Так плачьте же, иль смейтесь, ведь для нас
Нет больше счастья иль поощренья!

Разыгрывают пантомиму.

Прокула. Ну как?

Пилат. Трагично.

Прокула делает знак и трагики уходят.

Прокула. А еще в этом году созрел удивительный виноград. Я такого никогда не пробовала: ягоды таят во рту, налитые бесконечно сладким и терпким соком, и воздушной мякотью с легкой, еле заметной кислинкой... Вкус этого винограда снимает любые печали. Хочешь, я принесу тебе, Понтий. Тебе понравится. Скажи только слово. Хочешь?

Пилат. Ну принеси.

Прокула радостно убегает.

Пилат. Прокула — так и осталась ребенком. Боги, если бы все так было просто.

Прокула возвращается с подносом фруктов.

Прокула. Вот! Только попробуй его. Это вкус жизни!

Пилат. (*Пилат пробует виноград.*) Вкусно.

Прокула. Правда?

Пилат. Правда...

Прокула. Сегодня в деревне праздник Диониса. Давай тоже устроим праздник! Будут трагики, будут танцы. Я буду развлекать тебя, Понтий. Я все сделаю, чтобы тебе было хорошо, все-все. Для чего еще нужна жена?

Пилат. Хорошо. Пусть сегодня будет праздник. Подготовь все...

Прокула (радостно). Я люблю тебя, Понтий. Всегда любила и всегда буду. Ты просто не знаешь, не представляешь... Я верю в тебя.

Пилат. Больше чем в Иисуса?

Прокула (совсем тихо). Больше.

Пилат (с нежностью). Ступай...

Прокула. Я так надеюсь, что у нас с тобою будет все хорошо. Мы будем жить счастливо.

Пилат. Прости, если обижал тебя...

Прокула целует ему руку и уходит. Пилат берет нож для фруктов и надрезает вену на локте. На протяжении сцены его голос слабеет.

Да, счастье... Все хотят праздников. Калигула ждет своего развлечения, своего трагика. Жаль, что не смогу доставить ему ожидаемого удовольствия. Впрочем, он не расстроится — у него целая империя трагиков. Хотя лучше всего быть трагиком для себя. (*Берет виноградину.*) Виноград в этом году действительно хорош. А, может быть, он такой же как и в прошлом году и в позапрошлом, как виноград десять, сто, тысячу лет назад... Достаточно попробовать одну ягоду, чтобы понять вкус всего винограда мира. Прокула права: виноград действительно похож на жизнь... Глупо ожидать, что следующий урожай будет особенным. Прокуле нужен другой муж, который будет радоваться вместе с ней... М-да. Пора что-то в жизни менять кардинально. Однообразие утомляет. Героем я не стал, тираном — тоже, в Пантеоне Олимпа мне вряд ли найдется место, хотя свой маленький миф мне все-таки обеспечен. Надеюсь, Аид найдет мне достойное место в своем царстве, Только подальше от Тиберия и евреев — они возбуждают во мне желание буйствовать, а я хочу выспаться. Забавно... Какое странное ощущение, когда из тебя по капле вытекает жизнь. Хм, ты знаешь, что она вытекает. Ты можешь остановить ее в любую секунду. (*Зажимает руку.*) Вот так — и ты живешь. (*Отпускает.*) вот и ты снова умираешь... Если бы я был поэтом или драматургом в эти мгновения я написал бы свое лучшее произведение. (*Усмехается.*) Трагедию жизни. Но я не поэт — я воин. И я умираю на этой ферме, на маленьком острове где-то в Адриатике, зарезав себя ножом для апельсинов. Не очень достойно... Чего бы только сейчас не отдал за смерть в битве. Дайте мне когорту, и я пошел бы против всех галлов и германцев мира! (*Ест еще виноградину.*) Да, мечты, мечты... Даже в таком положении человек не может себе в этом отказать. Ну да ладно. Если не могу быть воином, то роль судьи должен выполнить до конца... Подсудимый Пилат, я могу дать тебе выбор: ты останешься жить, если согласишься стать простым человеком, бросишь свои воспоминания и замыслы, будешь выращивать смоквы и виноград, радоваться заезжим трагикам и так далее. В противном случае — смерть. У тебя осталось мало времени для размышлений. (*Длинная пауза.*) Твое решение не оставляет мне выбора — я вынужден утвердить приговор... (*С трудом смеется.*) Хорошая шутка в конце всего. (*Глаза его закрываются.*) Наконец-то я смогу выспаться, наконец-то...

Он затихает. Входит Прокула. Отчаянный женский вопль. Поднос с грохотом падает у нее из рук.

Занавес.